

Кристина АРНОТИ

ЗАГОВОР ЖЕНЩИН

серия *Eterna
L'amour*

Eterna-l'amour

Кристина Арноти

Заговор женщин

«Этерна»

2000

УДК 82.06
ББК 84(4Фр)

Арноти К.

Заговор женщин / К. Арноти — «Этерна», 2000 — (Eterna-
l'amour)

ISBN 978-5-480-00254-6

Кристина Арноти – одна из самых известных современных французских писателей, популярная во всем мире, ее книги стали бестселлерами во многих странах, получили многочисленные призы и премии. Миллениум. Новый год. Первые дни 2000 года. После тридцати лет отсутствия богатый бизнесмен Анри Морэ возвращается из Австралии в Париж, но скоропостижно умирает в самолете. Адам Фурнье, гениальный программист, сидевший рядом с ним (случайно ли?) присваивает его документы, компьютер и... саму личность умершего! Зачем? Как он это сделал? Какую пользу он надеется извлечь из этой опасной аферы? Сюжет осложняется с каждым часом. Три женщины вступают в дьявольскую игру в эти сумасшедшие дни на рубеже веков. Париж, Лас-Вегас, Лос-Анджелес, Австралия... весь мир – четыре жизни и смерть. Заговор женщин – ожидание и страсть, страх и юмор. Истинная Кристина Арноти.

УДК 82.06
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-480-00254-6

© Арноти К., 2000
© Этерна, 2000

Содержание

1	6
2	27
3	34
4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Кристина Арноти

Заговор женщин

Как всегда, Клоду и моему сыну Франсуа

Christine Arnothy
Complot de femmes

Christine Arnothy. Complot de femmes

Ouvrage publié avec l'aide du Ministère français chargé de la Culture – Centre national du livre

Издание осуществлено с помощью Министерства культуры Франции (Национального центра книги)

Дизайн переплета – Александр Архутик

© Librairie Artheme Fayard, 2000

© М. Н. Приморская, перевод, 2011

© Палимпсест, 2011

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2011

1

«Вот придурки!» – выругался шофер, стараясь не встречаться взглядом с пассажирами в зеркале заднего вида. Авторадио сообщало о пробках, и ведущий объявил, что Хитрый Бизон¹ в состоянии тяжелой депрессии был помещен в клинику для лечения заболеваний подобного рода. Журналист счел нужным уточнить, что это шутка, но никто из водителей, напряженно сжимавших руль, даже не улыбнулся.

Пассажиры, которым удалось наконец пробраться к заветным «вылетам», спешили к окошкам паспортного контроля, таща за собой чемоданы на колесиках. Адам протискивался вперед, крепко сжимая ручку своего портфеля. Под предлогом, что ему надо прокладывать путь, он даже не обернулся, чтобы подбодрить своих спутниц. На экране электронного табло мигали надписи. Четвертая строчка заверяла в том, что вылет в Лос-Анджелес состоится по расписанию. Регистрацию значительной части багажа накануне взяло на себя агентство путешествий, заказавшее через Интернет этот дополнительный рейс на Калифорнию. Несмотря на беспокойство нетерпеливых пассажиров, которые всю пихались локтями, отвоевывая себе места, очередь получилась довольно мирная. Мужчины и женщины уныло проходили сквозь рамки металлоискателей. Во время этой неспешной процессии мобильные телефоны опускались в деревянные коробки, а ручная кладь, обласканная черными полосами транспортера, просвечивалась рентгеновскими лучами. По другую сторону движущейся ленты молодая женщина осматривала их содержимое на экране. Когда над одним из туристов раздавался писк, это означало, что он должен вернуться и приготовиться к личному досмотру: специальный сотрудник будет водить вдоль его тела мини-металлоискателем. Связки ключей, возлежавшие на маленьком подносе, тоже просвечивались рентгеном. Одна из спутниц человека с портфелем подняла забинтованные руки, пытаясь избежать толкотни. «Проходите», – сказал ей мертвенно-бледный стажер. Зато сам мужчина вызвал сомнения у девушки за монитором – в его портфеле было несколько предметов, которые надо было указать в декларации, – но она не стала придираться. За последние дни через аэропорт Руасси прошло столько народу, что персонал просто валился с ног. Присутствие гипотетического террориста их ничуть не волновало, особенно если речь шла о том самом самолете из Лос-Анджелеса. Вокруг этого агрегата с темным прошлым бродило много слухов. Даже самый последний псих, способный на все, и тот вряд ли стал бы его угонять. Эта летающая развалюха, здоровенная махина, разменявшая уже третий десяток, грозила взорваться при малейшей ошибке пилотов.

Подошла группа японцев, тянувших за собой по чемодану, набитому под завязку, но не больше допустимых размеров ручной клади. Два малыша с ужасным грохотом возили по полу ярко-желтые пластиковые машинки. И только стройный элегантный мужчина сохранял спокойствие, к вящему неудовольствию остальных пассажиров. Самуэль Манн – так звали господина в толстом шарфе и шляпе с удивительно широкими полями – едва терпел эту звуковую пытку. С тех пор как он навел справки о самолете, на котором предстояло лететь, его порой охватывала тревога. Но он ни в коем случае не мог упустить человека с портфелем – это был очень ловкий мошенник, и его происки могли дорого обойтись страховой компании, где работал Самуэль.

Вскоре пассажиры распределились по двум автобусам, ожидавшим перед залом отлетов, гудя моторами. Ехать пришлось стоя, и каждый норовил опереться на соседа. Чтобы добраться

¹ Рисованный индеец, символ одноименной некоммерческой организации при Министерстве экологии и устойчивого развития Франции, которая снабжает граждан информацией о положении на дорогах, помогает выбрать оптимальный маршрут для поездки по стране и за ее пределы и т. д. – *Здесь и далее прим. пер.*

до отдаленной части аэродрома, где стоял самолет, ушло добрых пятнадцать минут. Дама с забинтованными руками спросила у своего спутника:

– Мы что, так до Лос-Анджелеса на автобусе поедем?

Под небом, нависшим тяжелыми снежными тучами, сновали автомобили. Несколько машинок металась туда-сюда, показывая, куда ехать. Одна из них провела автобус сквозь ступившие сумерки к странному силуэту, выступавшему из полумрака: гора металла, на которой, казалось, были нарисованы иллюминаторы. Название самолета рядом с крылом было покрашено белым. Первый автобус затормозил возле трапа. Дождь заливал широкие ступени. Только что подъехали два устройства, доверху нагруженные чемоданами, и рабочие под ливнем закидывали багаж в грузовой отсек. Они не испытывали ни малейшего сочувствия к безумцам, решившимся забраться в этот раритет. «Каждый ищет смерти, где может», – заметил один из них, но никто ему не ответил, чтобы не накаркать. На верхней ступеньке трапа стюардессы что-то обсуждали со стюардом, который держал в руках тетрадь. Элиан спросила у своего спутника: «Как по-твоему, это инструкция к самолету?» Второй автобус затормозил с отчаянным визгом. Пассажиры в обнимку с сумками вывалились из него и ринулись к трапу. Среди них была и юная блондинка, Клотильда. Иоланда, представительница агентства, выкупившего этот рейс «под ключ» на аукционе в Интернете, относилась к этому перелету с недоверием. Она опасалась гнева недовольных пассажиров. Юная туристка из Австралии воскликнула:

– Мне всего восемнадцать с половиной: я слишком молода, чтобы умирать, правда ведь?

Всего лишь легкомысленная шутка. В богатых странах подростки ее возраста, которые считают себя взрослыми, свято верят, что будут жить до ста лет.

Дисциплина экипажа и его стремление оправдать доверие впечатляли. Их всех наняли из числа бывших работников, отстраненных от службы по разным причинам, в том числе по возрасту. Командир экипажа – несомненно, уже давно пенсионер – в последнюю минуту был вызван из соседней страны, чтобы возглавить эту трансатлантическую экскурсию. Пока пассажиры поднимались на борт, он боролся со слишком узким воротничком рубашки. Улыбчивые стюардессы с мрачным взглядом радушно приветствовали каждого пассажира, с отвращением разглядывая ручную кладь: ее было очевидно больше, чем предназначенного места над креслами. Агентство не смогло предоставить пронумерованные места, поэтому то там, то тут возникали небольшие перегрузки. Если бы не помощь человека, охранявшего свой портфель как зеницу ока, Элиан бы совсем оттеснили. Но ее муж сумел в жестокой борьбе отвоевать три соседних места справа от центрального прохода, во втором ряду. Их дочь Клотильда, которой претила мысль о путешествии, решила оставаться безучастной на протяжении всей этой авантюры, столь же рискованной, сколь и смешной. Самуэль Манн занял место слева, возле прохода, в пятом ряду, а Лиз и Иоланде удалось разместиться в седьмом.

– Что это за самолет? – поинтересовалась Клотильда у человека, которого должна была считать своим отцом.

– Что-то вроде DC-10², – ответил он, – но не уверен.

Он пустился в объяснения почти в светском тоне:

– Здесь не так комфортно, как в самолете обычной авиалинии, но все места были распроданы уже несколько месяцев назад. Агентству удалось раздобыть этот самолет, и я взял билеты только для того, чтобы сделать приятное твоей матери.

Один из подлокотников Элиан оказался сломан.

– Потому что мне этого захотелось? – воскликнула она. – Ты мне обещал роскошный летающий дворец, первый класс, где кресла превращаются в кровати...

– Все билеты раскупили, – ровным голосом повторил мужчина.

² Американский пассажирский авиалайнер большой грузоподъемности «Макдоннелл—Дуглас DC-10».

Ему хватало других забот. Международный ордер на арест мог задержать его во Франции, гражданином которой он все еще являлся. Если же удастся добраться до Калифорнии, то за четыре дня праздничного безумия по поводу миллениума он, наверно, успеет слиться с окружающей средой.

Лиз сняла рюкзак и не без труда впихнула его на полку рядом с необъятным багажом японки. Она села и, в свою очередь, спросила у Иоланды:

– А что это за самолет?

Сотрудница агентства скромно ответила:

– Сделку заключало мое начальство. Они хотели порадовать клиентов из списка ожидания. Мы гарантируем полную безопасность.

Лиз пожала плечами.

– Ты не хуже меня знаешь, что эта жестянка никуда не годится. Интересно, почему все эти люди не возмущаются?

Поначалу самые большие оптимисты верили, что смогут вытянуть ноги, но их надеждам не суждено было сбыться. Кресла стояли слишком близко, и места почти не оставалось. Манн задумался, удастся ли нормально закрыть багажное отделение. В салоне повисло напряженное молчание. Не найдя места, где можно повозить ярко-желтую машинку, один из малышей попытался катать ее по спинке переднего кресла.

Командир экипажа объявил, что они поднимутся в воздух, как только получат разрешение от диспетчера: «Мы четвертые на взлетной полосе». Прочистив горло, он добавил, что продолжительность полета до Лос-Анджелеса составит примерно двенадцать часов, но ветер встречного направления может замедлить движение самолета. Элиан шепнула Адаму:

– По-моему, лучше нам сойти и вернуться в Марли. К тому же я увидела беременную и испугалась: это дурной знак.

– С чего вдруг? – спросил Адам. – Беременная женщина – это обещание продолжения жизни...

– Возможно, но без нас! – отрезала Элиан. – Кстати, мне вспомнилось, как в одном фильме-катастрофе женщина родила прямо в полете. Там еще Чарлтон Хестон играл врача, он еле спас ребенка...

Но прежде чем она успела встать, полсалона задрожало от гула турбин. Загорелись надписи «Пристегните ремни». В начале центрального прохода стюардесса демонстрировала правила поведения в экстренной ситуации. Когда девушка дернула за свисток на спасательном жилете, у нее в руке остался кусок ткани, и она быстро спрятала его в карман.

Самолет долго ехал по слабо освещенной взлетной полосе, потом с тяжелым металлическим вздохом оторвался от земли и понемногу стал набирать высоту. Пассажиры слегка отклонились назад.

– О, спинки кресел откидные? Это хорошо, – сказала Элиан.

– Мам, это не кресла, а весь самолет!

Когда равновесие восстановилось, появились стюардессы с подносами, на которых подрагивали стаканчики с шампанским и апельсиновым соком.

– Возьмешь мне шампанского? У меня рука очень болит, – сказала Элиан, почти улыбаясь.

– Конечно, – ответил муж, радуясь временному перемирию.

Они огляделись в поисках места для пустых стаканчиков, но поставить их было некуда, и стаканчики остались греться во влажных ладонях. Наконец в салон влетел стюард, толкая перед собой старую тележку с металлическими ящиками и перегородками, которые жили своей жизнью и то и дело сталкивались, грохоча. Молодой человек с восхитительной улыбкой, сережками в ушах и обесцвеченными волосами, заплетенными в тугие косички, собрал стаканчики. Затем, пританцовывая, он помчался дальше, как будто для него не существовало преград, и

скрылся под аккомпанемент своего мини-оркестра, в котором не хватало лишь громкого звона тарелок. Больше этого юношу никто не видел. Элиан сказала:

– Может, он ушел через запасный выход... в пустоту...

Пассажиры в первом ряду жаловались на неприятный запах из туалета. А те, кто отважился проникнуть в тесную кабинку, рассказывали, что там нет ни мыла, ни бумаги, ни салфеток, а хлипкую дверцу-ширму надо придерживать ногой. Из кухни, расположенной рядом с туалетом, в салон проникал «аромат» разогретого в микроволновке жира. После очередной раздачи теплого шампанского и жареного миндаля пассажирам предстояло выбрать между рыбой-меч под соусом карри и куриной ножкой с кукурузой. Самые здравомыслящие предпочли курицу, пережаренную снаружи и ледяную внутри. Самолет вошел в зону турбулентности, и его сильно мотало, угрожая вывернуть наружу измученные желудки пассажиров с остатками творожного суфле, поданного для разогрева аппетита.

Поклонникам встречи миллениума это путешествие преподнесли как волшебное приключение. Они попались на крючок, полюбовавшись слайдами агентства: соблазнительно-синее море, пальмы и алый шезлонг на переднем плане. После этого труднопереносимые атмосферные условия над Атлантикой и почти над всей территорией Соединенных Штатов еще больше возмутили пассажиров. Беременная женщина вернулась из туалета, зажимая нос платком. По громкой связи объявляли, что самолет произведет посадку в аэропорту Лос-Анджелеса незадолго до полуночи по местному времени. Но из-за усилившейся тряски чаще стали звучать призывы к порядку. Пассажирам, которые решили размяться для восстановления кровообращения, пришлось занять свои места и пристегнуться.

– Ты смотрел «Аэроплан!»? – спросила Элиан у мужа.

– Я впечатлен твоими познаниями в области кинематографа, но, честно говоря, не смотрел.

– Жаль, – вздохнула Элиан. – Это такой забавный фильм!

Адам подавил зевок.

– Вполне возможно, – вежливо ответил он.

Элиан продолжала наседать:

– Там индус – он в таком красивом тюрбане – повесился из-за своего соседа, который болтал без умолку. С тобой тоже недолго повеситься, но по другим причинам.

– Еще раз объясняю: билетов не было, – сказал Адам. – Я же говорил, что этот рейс – дополнительный. Мы прекрасно доберемся до Лос-Анджелеса, проведем пару часов в гостинице возле аэропорта и отправимся на Гавайи.

Тяжелый портфель отдал ему все ноги, но он не мог поставить его сбоку: не было места, а если бы он решил на него опереться, то колени поднялись бы до подбородка.

– Ты выглядишь глупо с этим портфелем. Чего ты боишься? – спросила Элиан. – Кто его тут откроет или украдет?

– Не твое дело.

Элиан заметила:

– Хорошо хоть этот самолет зависнуть не может. Он же движется не с помощью компьютеров, а на угле, который кидают в топку в грузовом отсеке...

Самолет попал в воздушную яму и ухнул вниз. Непристегнутый пассажир ударился головой. Тут же примчалась стюардесса и стала прикладывать лед к ушибу, приговаривая: «Шишки не будет, я вам обещаю!»

Элиан снова заметила беременную женщину, которая постоянно ходила туда-сюда, и спросила:

– А если она родит в полете, какое гражданство получит ее ребенок?

На исходе этих мучительных часов пассажирам выдали несколько документов: они должны были заполнить декларации для разных служб контроля. Из-за сквозняка по централь-

ному проходу прокатилась пустая пластиковая бутылка. Стюардесса кинулась ее поднимать. Наконец объявили посадку. Вскоре пассажиры увидели огромный светящийся ковер – Лос-Анджелес. Ковер из огней, казалось, плавал от одного борта самолета к другому и обратно. Эта странная качка затягивалась.

– Красиво, – прошептала Клотильда.

– Даже я, хотя и не привыкла летать, поняла, что мы поворачиваем, – сказала Элиан. – По-моему, все уже сыты по горло этим безобразием!

Послышался тихий треск, и мужской голос напомнил пассажирам, что надо следовать указаниям на световом табло. Стюардессы проходили между рядами, краем глаза следя, чтобы ремни были плотно пристегнуты. Они повторяли: «Поднимите спинки кресел». Одна из них резким жестом захлопнула сломанный столик. Пассажирка, которой периодически приходилось ловить его перед грудью, сказала томным голосом: «Он постоянно падает». Стюардесса пожала плечами и ушла, потому что тоже ничего не могла с этим поделать. Приглушили свет. Стюард побежал закрывать распахнувшуюся дверцу багажной полки. Элиан повернулась к дочери:

– Как подумаю, что не исправила завещание! Ты же единственная наследница моих скромных сбережений. Надо было его переписать! Если ты умрешь, а я следом, то мой дом в Марли отойдет к *SPA*.³

– Ты не могла бы сменить тему? – попросил Адам.

Ему претила мысль о том, что пусть всего пару лишних часов, но придется и дальше ломать комедию: делать вид, что эта женщина – его законная супруга. Он предложил это путешествие, потому что одна из страховых компаний Сиднея пустила по его следу агента. Надо было уехать из Франции. А в сопровождении подставной жены и дочери его отъезд выглядел бы не так подозрительно. Побег в Калифорнию под видом туриста еще пару часов назад казался ему отличным выходом. Адам в радужных красках расписал Клотильде и Элиан Гавайи, но сам и не собирался туда ехать. Он надеялся, добравшись до Калифорнии, сразу же затеряться в разношерстной толпе.

Командир экипажа объявил, что по ряду причин, в частности из-за неблагоприятных погодных условий – сильного ветра над землей, а также из-за небольших технических неполадок, самолет взял курс на Лас-Вегас.

Послышались возмущенные возгласы. Многие пассажиры требовали дать им возможность встретить Новый год на Гавайях. Капитан прервал их и стал убеждать, что в Лас-Вегасе им окажут достойный прием, разместят, накормят, а на следующий день они смогут продолжить путь. Из обрывков разговоров стало ясно, что эта новость положила начало не одной ссоре те, кто хотел воплотить свою экзотическую мечту, чувствовали себя обманутыми. Одна пассажирка бросила своему мужу: «Как же ты теперь, бедный, без своих полуголых красоток в цветочных ожерельях? Куда нас занесло?! Лучше бы мы в горы поехали!» Человек, который ударился головой во время тряски, оборвал их: «Да уймись вы! Если мы выйдем из этого самолета живыми – это будет для нас самым лучшим новогодним подарком».

Атмосфера накалялась. Адам стоически сносил бесконечные упреки Элиан.

– Не надо было тебе возвращаться из Австралии! Я бы сейчас была в Марли. Как представлю: выхожу в сад, там снежок, твердая земля под ногами, я дома, во Франции...

– Ты была рада этой поездке.

– Но не в таких же условиях!

– Мы приземлимся целыми и невредимыми.

– Хорошо если так, – сказала она.

³ Общество защиты животных.

Он был на грани отчаяния. То, что он оказался рядом с этой женщиной, было следствием первой в его жизни удачной аферы. Все началось пару дней назад, когда он летел из Австралии во Францию. Благодаря связям в авиакомпании он получил место рядом с неким Морэ, который до этого увел у него патент на систему защиты, применяемую в Интернете. Он никогда не встречался с Морэ лично. Адам собирался открыть ему, кто он такой, и похвастать, что у него тоже хватает денег, чтобы летать первым классом. За те часы, проведенные бок о бок с Морэ, Адам выяснил, что его сосед страдает клаустрофобией и для снятия напряжения поглощает огромное количество алкоголя и успокоительного. Когда он наконец узнал, кто такой Адам, то обозвал его ничтожеством. А потом предложил разыграть мадам Морэ, которая будет встречать его в аэропорту. «Мы одного возраста, роста и веса; у нас обоих есть волосы, что по нынешним временам уже редкость. Хорошая жена, от которой я хочу избавиться, после тридцати лет разлуки вполне может нас перепутать. Как вам злая шутка? Только подумайте: появляемся мы вдвоем – один богатый, другой бедный, один хитрый, другой туповатый – пускай выбирает! За время моего отсутствия я не прислал ей ни одной своей фотографии. Месяц назад я позвонил, сказал, что возвращаюсь, наобещал ей золотые горы. Заодно познакомлюсь с дочкой, которую бросил, когда ей было два месяца. А потом смоюсь в ЮАР...»

– А зачем возвращаться? – спросил Адам. Тот ответил: «Я взял от Австралии лучшее. Возвращаюсь только для того, чтобы покрасоваться, заставить жену валяться у меня в ногах ради кольца за миллион долларов. Оно тут, у меня в кармане. Так вот, представьте: мы в Руасси, стоим вдвоем перед ней... Поверьте, женщина, которая сосредоточила всю свою ненависть на мужчине, видит только то, что навывдумывала себе за все годы. Вы на меня похожи. Разве что чуть стройнее. Предоставим ей выбор!

– Ни одна жена не спутает мужа!

– Через тридцать лет – сможет. Я был двадцатилетним пацаном, когда ее бросил. Жениться меня заставили ее родители, потому что она забеременела. А когда я увидел, что клетка захлопывается, – сделал ноги. Пригласил к себе в Австралию самых красивых девушек в мире. Я всегда ловко пользовался своим положением женатого мужчины: когда какая-нибудь девица пыталась затащить меня в загс, я ей объяснял, что несвободен. Вот вы, месье Честность, ни за что не справитесь с такой ситуацией, вам всегда будут садиться на шею. В общем, вы не способны рискнуть. Даже моя шутка вас напугала. Это же просто розыгрыш! А как славно мы могли бы поразвлечься. Вы – в объятиях моей женушки, а я в это время женюсь!

Адам весь извелся, хоть и не подавал вида. Все кому не лень его унижали. Жена, Ширли, долгие годы пилила его за то, что в делах он ноль без палочки. Адам считал себя полным неудачником. Даже сейчас, когда он летит первым классом, этот мерзавец в соседнем кресле сделал из него мальчика для битья.

За два часа до пересадки в Коломбо Морэ тихо сдулся, как старая крышка. Адам подумал было, что тот потерял сознание или впал в неглубокую кому. Он выждал не меньше часа, прежде чем начать действовать. Первый ряд роскошного салона «Боинга-747», впереди только стенка, свидетелей нет. Никто не мог тайком за ними наблюдать. И Адам решил рискнуть – форменное безумие, но соблазн был слишком велик. Он быстро поменялся с Морэ документами, присвоил его портфель, сунул в него руку, нашел там ноутбук, ощупал папки, чуть ли не с нежностью погладил записную книжку, которую Морэ назвал своим «склерозником». Когда все было готово для инсценировки, Адам стал ждать, приглядывая за трупом в соседнем кресле. Порой почти ледяная рука Морэ выскальзывала из-под пледа, и ему приходилось брезгливо касаться ее, чтобы спрятать обратно. Буквально перед посадкой в Коломбо он не выдержал и сообщил, что пассажиру плохо. Старший бортпроводник связался с командиром экипажа, и, чтобы не вызывать панику среди пассажиров, все обставили как обычное недомогание. В аэропорту Коломбо врач поднялся на борт, констатировал смерть, и тело отправили в морг под именем Адама Фурнье.

Все одиннадцать часов полета до Парижа Адам посвятил изучению украденных документов. Дата рождения, значимые места, билеты на самолет из Парижа в ЮАР. Познакомился с японским чудом техники – переносным компьютером. Еще он вытащил из кармана покойника шкатулку с кольцом за миллион долларов. «Она готова будет в ногах у меня валяться, лишь бы заполучить его, – сказал Морэ, имея в виду жену. – У вас в кармане бриллиант – и женщина у ваших ног». В Руасси Адам хотел улизнуть от встречи с женой Морэ, но она перехватила его, едва он собрался направиться к стоянке такси, и обняла со словами: «Ты ни капли не изменился!»

* * *

А потом начался сущий ад, под бдительным надзором этой дамочки. Оказавшись вдруг в кругу чужой семьи, где любое словечко могло его выдать, и памятуя об ордере на арест, который ему светит, если вдруг вскрыется подмена, он придумал эту поездку в «безумный день» 31 декабря 1999. Зажав покрепче портфель между ног, Адам пытался понять поведение женщины, сидевшей рядом.

Она и правда обозналась? Можно не узнать человека спустя тридцать лет, если она уже лет десять не видела его даже на фото? Или он так здорово вжился в роль ее покойного мужа, что Элиан с такой легкостью признала его? Клотильды его размышления не коснулись – она была еще в пленках, когда отец отправился в Австралию. Это была довольно красивая девушка, спокойная, удивительно сдержанная и немногословная.

Адам надеялся, что они приземлятся в Лас-Вегасе, хотя самолет все еще был во власти турбулентности, и ожидание затягивалось. Он вспомнил о своей настоящей жене, Ширли. Всего один телефонный звонок! Он позвонил из Парижа и предупредил об этой операции, которая вполне могла ей показаться абсурдной, и она согласилась опознать мужа в морге. Не задумываясь она согласилась участвовать в мошенничестве, с каждым днем набиравшем обороты. Решающим аргументом стали деньги и, может быть, даже что-то вроде восхищения скромным человеком, отважившимся на такую невероятную авантюру. Как вдова, Ширли должна была получить за мужа страховку – два миллиона долларов. Что же она будет делать дальше? И что известно этому агенту, Самуэлю Манну, который следовал за ним под предлогом выяснения деталей, связанных со смертью в самолете? Это же он, Адам, присвоив паспорт Морэ, провел последние часы рядом с несчастным Фурнье, жертвой сердечного приступа!

Стюард попытался завладеть портфелем, чтобы всунуть-таки его на багажную полку. «Нет!» – запротестовал Адам. Старший бортпроводник дал знак коллеге: этого нервного пассажира лучше не трогать.

Самолет вновь набрал высоту и устремился вперед, в ночь. Первые сорок минут после смены курса пассажирам дались нелегко. Голос из динамиков – вероятно, второго пилота – предложил ознакомиться с инструкцией по безопасности на борту, которая находится в кармане кресла, рядом с бумажным пакетом. Элиан взяла одну из таких брошюр и стала комментировать картинки:

– Руки скрестить на груди. Опустить голову, наклонить туловище к коленям. Поза эмбриона... Прекрасно: и мы в полной готовности к выкидышу.

В это время на другом конце центрального прохода, в пятом ряду, Самуэль Манн беспокоился все больше и больше. Приземление в непредвиденном месте влекло за собой дополнительные риски. Человек, подозреваемый в краже личности, мог воспользоваться неразберихой, чтобы улизнуть. Самуэль выбил в агентстве путешествий билет на этот рейс, и ему нельзя было упускать француза.

Манн был уверен, что человек, называвший себя Морэ, на самом деле программист Адам Фурнье. «Было бы занятно, – размышлял Самуэль, – если бы он второй раз погиб в самолете».

Он просчитывал и оценивал разные возможности. Если ему удастся доказать, что Адам украл личность Морэ, для программиста путешествие закончится тюрьмой. «Чтобы оказаться в такой странной ситуации, когда малейшая ошибка – и все пропало, нужно быть либо человеком честным, неопытным, либо самоубийцей! Но развязка близка», – подытожил Самуэль. В том, что касается розыска преступников, ему не было равных. Компьютерщик направлялся напрямик волку в пасть. «Этому лже-Морэ надо как можно быстрее опустошить банковские счета покойного и делать ноги. Иначе его арестуют. Куда он поедет?» – размышлял Манн. Время идет, и он все больше рискует оказаться вне закона в США. А фальшивые документы? При малейшей аварии или остановке даже за небольшое превышение скорости полицейские проверят номер его водительского удостоверения по базе данных. «Мир тесен для нелегалов и мошенников», – сказал себе Самуэль, чуть ли не смакуя слова.

Командир корабля вполне радушно объявил, что несколько минут назад они вступили в 2000 год. Он пожелал «Happy New Year» на шести языках, включая японский. «Возомнил себя Папой, – сказала Элиан. – Нам сейчас только благословения не хватает!» Вскоре объявили о посадке.

Самолет стал снижаться, приближаясь к ковру из огней, еще ярче, чем в Лос-Анджелесе.

Клотильда размышляла. Она найдет выход, поговорит с этим отцом, вернувшимся из Австралии, и никогда больше его не увидит. Когда она впервые встретила его в Марли, в ней все перевернулось. «Если бы он не был моим отцом, то стал бы мужчиной моей мечты. Но он мой отец, и это кошмар». Она могла бы его полюбить, но ей придется избегать его всю оставшуюся жизнь.

* * *

Посадка была жесткой. Самолет понесся по взлетной полосе, проехал довольно долго и остановился. Бледные от усталости пассажиры сохраняли спокойствие. Их предупредили, что с собой можно взять только паспорт и небольшую сумку, пристегнув ее к ремню или повесив на плечо. Когда объявили об эвакуации пассажиров с помощью надувных трапов, в салоне чуть не поднялась паника, но старший бортпроводник совершенно спокойно объяснил, почему командир экипажа принял такое решение: из-за расстояния и сильного ветра трудно подогнать обычный трап. «Спуск по надувным трапам, конечно, впечатляет, – продолжил он, – зато вам не придется сидеть в самолете. Администрация аэропорта займется вами. Пожалуйста, постарайтесь не создавать беспорядок. Следуйте указаниям экипажа».

Командир корабля разблокировал аварийные выходы, из фюзеляжа выскочили и начали надуваться трапы, на земле их закрепляли работники аэропорта, ожидавшие пассажиров. По сигналу пассажиры встали и, подчиняясь указаниям стюардесс, потянулись к выходам.

Самуэль Манн старался быть поблизости от Адама, который пропустил вперед жену и дочь. Но Манна довольно грубо оттеснил мужчина с ребенком на руках. Выглянув из-за плеча отца, малыш смерил взглядом агента и показал ему язык. «Ну что я ему сделал? – подумал Самуэль. – Чем я ему так не понравился?» Человек, за которым он следил, кто называл себя Анри Морэ, собирался уже шагнуть в аварийный выход, когда раздраженный стюард попытался отобрать у него портфель. «Это мое дело – разобью я себе голову или нет. Оставьте меня в покое!» – вскинулся Адам. Едва он вышел в обнимку со своей кладью, как порыв ветра чуть не сбил его с ног; но он чудом удержался, съехал по трапу и предусмотрительно приземлился на спину. Во время подобной эвакуации туристы обычно как можно быстрее бегут от самолета. Так и на этот раз, пассажиры поспешили к автобусам, за которыми следовали пожарные расчеты. Адам оглянулся и в свете прожекторов увидел на самом верху трапа юную австралийку Лиз: она представляла для него дополнительную угрозу, как и Иоланда, служащая агентства, продавшего им билеты на этот рейс.

Адам усадил Элиан и Клотильду в автобус и вошел следом, не теряя из виду Самуэля Манна. «Я никогда от него не избавлюсь!» – подумал он. В просторном автобусе было всего несколько сидячих мест. Кто стоял, хватался за резиновые ручки, висевшие у них над головами, или впивались пальцами в перекладины. Следуя за машиной-проводником, автобус ехал на приличном расстоянии от неподвижных, призрачных самолетов, а с неба падали хлопья снега, редкие в этой части Калифорнии.

Первый автобус, а за ним и второй, тоже набитый битком, остановились перед зданием, где спасательная команда и, чуть дальше, сотрудники *таможенного* контроля готовились принять неожиданных гостей. В холле их ждали несколько медсестер с повязкой Красного Креста на рукаве. Пожилая дама, которую несли двое пожарных, потрясала сумкой и костылями. «Вообще-то у меня есть кресло-каталка, – выговаривала она им на чистом французском – Предпочитаю кресло-каталку, терпеть не могу, когда меня носят». Пассажиров попросили присесть на скамейки. Через несколько минут появились двое афроамериканцев с тележками и стали раздавать кофе и бутерброды. Иоланда опасалась возмездия клиентов. Ей надо было вымолить прощение, а еще лучше – сделать так, чтобы о ней просто забыли.

Адам становился все напряженней. После вынужденной посадки пассажирам предстояло пройти жесткий контроль: что это еще за европейский подарочек? Сто девяносто восемь террористов или ни в чем не повинных туристов? А если какая-то заморская структура собралась таким образом заслать к ним какого-то опасного типа, под чьим именем скрывается этот предполагаемый враг Соединенных Штатов? Под предлогом встречи Нового года на Гавайях Адам надеялся улучшить момент и избавиться от фальшивой семьи. А теперь, когда они уже в Калифорнии, – Клотильда?.. Что он испытывает к ней? Сильнейшее влечение, которое надо было подавить или даже искоренить. Он должен проявлять только дружелюбие и ничего больше. Клотильда сидела в нескольких шагах от него. Даже когда она надкусывала сандвич, из которого во все стороны лезли помидоры, ей все равно удавалось оставаться элегантно. Глядя на нее, Адам размышлял: тропический остров, где только они с Клотильдой, отель и банк. Возможно, этот воображаемый оазис ближе, чем ему кажется. В Париже он провел некоторые изыскания и сумел получить доступ к значительному числу банковских вкладов Морэ. Ему не хватало только кодов и паролей, особенно того, который позволил бы снять деньги с обнаруженных счетов и перевести их на свой.

Адам нервно обернулся. Лиз, его роковая ошибка, сидела чуть поодаль и внимательно смотрела на него. «Она меня сдаст?» – подумал он. Пока нет. Но какого черта она ему подмигивает? Эти ужимки, тайные знаки могут привлечь к ним внимание. Когда пассажиры подкрепились кофе и бутербродами, приятный голос объявил им: «Леди и джентльмены, приготовьте для проверки ваши паспорта. Просим прощения за возможные заминки, но ваше незапланированное прибытие вынудило нас внести изменения в расписание и вызвать на работу нескольких служащих, у которых сегодня выходной». Громкоговоритель зашипел, потом голос возник снова: «Три четверти часа назад Калифорния и Невада перешагнули порог 2000 года. Желаем вам счастья в новом году». У кого-то из пассажиров еще хватило сил, чтобы похлопать. «Вас разместят в общих спальнях, предусмотренных для экстренных ситуаций, как та, в которой вы сегодня оказались. В вашем распоряжении будет кровать и санитарные помещения».

Элиан повернулась к Адаму:

– Проверка? Ладно. Общая спальня? Никогда! Чтобы меня заперли в одной комнате с храпунами? Нет! Я уверена, что мы найдем, где переночевать в Лас-Вегасе. Нужно только заплатить как следует.

Их отправили к эскалаторам, ведущим в зал паспортного контроля. Афроамериканцы в униформе указывали им путь. Пожилая дама вернула себе кресло-каталку. Проезжая мимо очереди, она махнула им костылями: «Чао, до встречи!»

Контроль был организован со знаменитой американской четкостью. Пассажиры оказались в помещении, которое с помощью ограждений было разделено на узкие сектора – поневоле приходилось строго соблюдать очередь. Офицеры на высоких табуретах не могли одновременно читать заявки на миграционную карту и смотреть на экран компьютера. Они тщательно изучали документы. Больше никто не спешил. Элиан подошла к угрюмому офицеру европейской внешности, ведя за собой дочь. Лучше бы она осталась дома: мама прилетела на праздники с Тайваня... Пограничник пролистал паспорт Элиан. По какой причине эта женщина высадилась здесь через пятьдесят восемь минут после полуночи, именно первого января 2000 года? Рядом с ней стояла девушка с документами в руках.

– Вы родственники? – спросил офицер.

– Да, – ответила она. – Мать и дочь. Мы хотели провести праздники на Гавайях. Наш самолет был вынужден повернуть сюда... Об этом вы, несомненно, осведомлены лучше нас.

Он взял второй паспорт, ввел имена в компьютер. Элиан вмещалась:

– Мой муж тут недалеко. В соседнем ряду. Хотите, я его позову?

– Нет. Я хотел бы посмотреть ваши билеты. В обе стороны.

– Я схожу за ними, – сказала Клотильда, направляясь к Иоланде, у которой были документы и брони всей группы. На обратном пути Клотильда заметила пассажирку в кресле-каталке, она только что прошла контроль в другом ряду. Пограничница искренне улыбнулась и поздравила ее: «С Новым годом!» Старушка показала ей правой рукой знак «V», «победа». Офицер долго изучал билеты Элиан и Клотильды.

– Вы собирались проследовать из Лос-Анджелеса на Гавайи?

– Изначально да. Но у нас не получилось приземлиться в Лос-Анджелесе, и я не очень понимаю, что мы будем делать дальше. По большей части это зависит от... моего отца.

Она с трудом выдавила из себя эти слова.

– У вас еще есть обратный билет на рейс Лос-Анджелес – Париж. С открытой датой.

– Да. Эти билеты были куплены на регулярный рейс и действительны для любой авиакомпании.

«Им не хватает азиатского изящества, – думал офицер – Они слишком рослые, плотные, какие-то квадратные».

Он выдал им визу на месяц, вложил в паспорт половину зеленого листка и знаком велел проходить. Они тихо стали ждать того, кто втянул их в эту утомительную авантюру.

Когда Адам протянул паспорт пограничнице-афроамериканке, у него комок подкатил к горлу. Откуда он мог знать, садясь на этот чартер до Лос-Анджелеса, что из-за вынужденной посадки ему придется столкнуться со строгим контролем? Их приземление казалось подозрительным. Женщина в униформе подняла глаза на Адама и сравнила бледное лицо с фотографией в паспорте. «Все белые похожи друг на друга», – подумала она. У нее под рукой был штампель, который мог открыть этому типу двери в США. На экране один за другим проходили Морэ, все под разными кодами.

– Вы уже были в Лас-Вегасе, – заметила она ровным голосом.

Это вопрос или утверждение? Адам решил ответить уклончиво.

– *You know...* – сказал он. Этим «понимаете» он пытался придать разговору непринужденность, почти дружеский тон. В жизни всякое бывает: любовь к игре, любовь к городу... Но сегодняшний приезд не был запланирован. – Я хотел подарить жене и дочери Новый год в Гонолулу. Но над Лос-Анджелесом дул сильный ветер, и самолет свернул.

Он указал на Элиан и Клотильду:

– Они меня ждут, совсем уже вымотались...

Пограничница обернулась и увидела двух притихших женщин.

– У вас взрослая дочь.

– Я рано женился. *You know...*

Она выдала ему визу на месяц и добавила:

– *Happy New Year!*

За несколько минут до этого Самуэлю удалось выбраться из своей очереди. Малыш, который показывал ему язык, обмочил пиджак папы, и из-за лужи, растекшейся по полу, возникла неразбериха, чем и воспользовался агент, чтобы пробраться к Адаму. Паспорт Самуэля был в порядке.

– Сколько вы собираетесь пробыть здесь? – спросила его офицер.

– Пару недель.

На экране возникали строчки. Данные всех этих Маннов были закодированы, как и количество их приездов в США. Самуэлей среди них было двое, но ничего подозрительного насчет того, кто стоял перед ней.

– Счастливого Нового года! – пожелала она.

Чуть дальше Иоланда и Лиз довольно быстро миновали контроль. Пограничник только коротко взглянул на крошечный бриллиант в правой ноздре Лиз. Маленькая группа воссоединилась, чтобы на этот раз пересечь желтую линию, отделявшую их от таможи.

Открыв паспорт Элиан, офицер потребовал белый формуляр, который надо было заполнить на борту самолета. Она переспросила:

– Что за листок? Я уже вложила один, зеленый. Других у меня нет. У нас даже багажа нет. Только море злости, которое вот-вот выйдет из берегов!

Клотильда принялась ее успокаивать:

– Мама, но ты же его подписывала. Я его еще заполняла. Куда ты его положила?

– О чем ты говоришь? Не было никакого листка!

Самуэль встрял в разговор, радуясь, что так они быстрее привыкнут к его присутствию:

– Вот, смотрите, – он показал свой формуляр. – Это таможенная декларация, где надо указать, что у вас нет с собой растений, овощей или продуктов питания, запрещенных к ввозу на территорию в США.

У Элиан вырвалось: «... Меня достали. Овощи или растения? После того, как мы чуть не разбились на территории Америки, они нас спрашивают, не везем ли мы овощи или растения?»

Адам, опасаясь конфликта, подошел к ней.

– Позволь мне...

Он открыл сумку Элиан, похлопал по карману в подкладке и вынул оттуда декларацию.

– Возьмите, – сказал он таможеннику. – Моя жена не очень хорошо говорит по-английски.

Элиан взвилась:

– Не действуй мне на нервы! Я все прекрасно поняла: листок, растения, овощи...

– Сбавь тон, а то тебя не пустят в США.

Элиан уже была на грани истерики:

– Так ты считаешь, что они правы? А я – нет?

Адам обратился к Клотильде:

– Объясни, пожалуйста, своей матери, что здесь охраняют сельское хозяйство.

– От кого охраняют? От меня?

Таможеннику стало интересно:

– А на каком языке вы говорите? На греческом?

– Нет, – ответил Адам. – На французском.

– Они всего лишь выполняют свою работу, – объяснила Лиз, подходя к ним. – Вспомнить хотя бы те же водоросли, которые заполнили все Средиземное море. Кое-где уже невозможно купаться из-за этих вездесущих водорослей... Я читала статью...

– Я приехала не для того, чтобы купаться, – сказала Элиан. – Не надо мне рассказывать про водоросли.

Работники таможни несколько отстраненно слушали этих людей, которые говорили на странном языке. Лиз попросили открыть рюкзак.

– Вечно у меня ищут наркотики, – объяснила девушка. – Наверно, выгляжу подозрительно. Видели бы они мой пупок... – Она повернулась к Адаму: – Такой кружок из металлических бусинок. Ничего вам не напоминает?

Адам смутился. Но уже и так никто не верил, что Лиз – его племянница. Нагловатая, чуть за восемнадцать, словом, девчонка, которая слишком быстро повзрослела, ей только роликов не хватало. Она указала на сумку-ремень у себя на поясе.

– Это тоже снять?

В это время таможенник, перетряхивавший ее рюкзак, развернул две пары трусиков и обнаружил в них печенье.

– Диетическое. Чтобы заморить червячка, – сообщила Лиз и добавила, специально выделяя австралийский акцент: – Я из Сиднея. У нас тоже очень заботятся о сельском хозяйстве.

Таможенник покачал головой, сложил трусики, убрал их в рюкзак, но тут его рука наткнулась на что-то, и он с победным возгласом извлек оттуда яблоко.

Лиз пожала плечами:

– Вы рады?

Служащий с торжествующим видом положил яблоко в пластиковый пакет и опустил его в коробку.

– Надо было съесть это яблоко в самолете вместо их протухшей курицы! – воскликнула Лиз.

Офицер пропустил ее. Неподалеку другой таможенник попросил Адама включить компьютер. Пара легких прикосновений – и на экране возникла картинка: синее море, пальмы и заходящее солнце. Самуэль наблюдал за ними. Элиан повернулась к нему:

– Как по-английски будет «чудом уцелели»?

Самуэль перевел.

– Так скажите им это... Ну же, говорите!.. Помогите нам, иначе мы тут застрянем до завтрашнего утра.

– Потерпите, мадам.

– Зачем вам компьютер? – спросил таможенник. – Вы же едете отдыхать.

Адам был готов пойти на любые уступки, лишь бы пройти досмотр.

– You know, – сказал он. – Этот аппарат – мой мозг, моя правая рука. Он знает день рождения моей жены, дату нашей свадьбы, состояние моих счетов...

Таможенник был в растерянности.

– Даже в отпуск вы берете его с собой?

– Всегда. Между прочим, жена даже ревнует меня к нему!

Подошел Манн:

– Я знаю этого джентльмена, – сказал он. – Он часто ездит куда-нибудь с женой и дочерью – и всегда с ноутбуком. Если бы у него был пес, он бы и его с собой брал!

Возможно, из-за неурочного времени и усталости, только вмешательство Манна подействовало. Офицер машинально спросил:

– Не больше десяти тысяч долларов наличными?

– Увы, нет, – вздохнул Адам.

Он почувствовал себя безгрешным, будто освободился от своего двойного прошлого. Слово «нет» придало ему уверенности.

– Никаких ценностей?

Напряжение спало, Адам помотал головой.

– Ничего.

В ту же секунду он чуть не закашлялся. У него в кармане пиджака лежала шкатулка с кольцом за миллион долларов – тем самым, которое должно было заставить «валиться в ногах» законную супругу Морэ. Все документы на это украшение были в папке, лежавшей в портфеле. Таможенник задумался, но дал ему знак:

– Проходите.

Адам подошел к Элиан и Клотильде.

– Если бы мне захотелось отыгаться за это мерзкое путешествие, – прошептала Элиан, – я сказала бы им, что твой багаж кишит растениями, которые ползут, прорастают даже в темноте.

Адам пожал плечами.

– Впредь без таких вот глупостей, пожалуйста, – сказал он и подумал о своем скором освобождении.

Пассажиры – их наконец приняла земля обетованная! – были измучены. Сотрудницы стали предлагать разместить их на остаток ночи. Нужно было представиться той, которая держала в руках список с фамилиями.

Иоланда отважно держала оборону от клиентов:

– Нам необходимо обратиться в бюро претензий. Прежде чем покинуть аэропорт, нужно уладить некоторые формальности. На каждом авиабилете будут номера; они потребуются, когда мы будем забирать багаж. Завтра.

Человек в униформе переходил от одной группы пассажиров к другой, снова и снова предлагая им ночлег.

– Только не в стаде! – заявила Элиан. – Я хочу комнату! А если нет, то засяду в казино и спущу там, – она повернулась к Адаму, – все твои деньги!

Иоланде удалось всучить служащему талоны на багаж из Парижа. Потом она сообщила тем, кто отвечал за растерянных пассажиров, что шесть человек решили покинуть аэропорт и отправиться в Лас-Вегас искать жилье. Служащий презрительно смерил ее взглядом. Он не собирался тратить время на объяснение очевидного: ни в одном отеле Лас-Вегаса не было мест. А смирившихся и измотанных туристов, которых внесли в списки женщины в униформе, поселят и накормят за счет администрации аэропорта.

* * *

Таксисты, узнав о вынужденной посадке самолета из Европы, потянулись к залу «Прибытие» в поисках клиентов. Свободных комнат не было в радиусе сорока миль от Лас-Вегаса. И пока вновь прибывшие поймут всю бессмысленность своих перемещений, на счетчике набьют кругленькая сумма. Новость о том, что аэропорт откроет двери общих спален, умерила энтузиазм. И все же один водитель микроавтобуса, мексиканец, обнаружил маленькую группу туристов, которые держались отдельно от остальных. Эти люди разозлились на авиакомпанию, когда узнали, что вместо «безумной ночи» в Лас-Вегасе их разместят за чертой города, а на следующий день они отправятся дальше. Родриго наблюдал за мужчиной с портфелем, его осыпала упреками женщина – наверняка жена. Рядом с ними громко шутила девушка с сильным австралийским акцентом. На ветру, швырявшем на землю горсти мокрого снега, какой-то строгий, худощавый мужчина среднего роста придерживал за широкий край свою летнюю шляпу. Родриго предположил, что вот им он мог бы сдать комнату, он держал ее про запас, – нужно было только найти клиента, который мог и хотел на нее согласиться. Шофер подошел к этой группе.

– Куда вы едете? – спросил он у человека с портфелем.

Девушка рядом с ним дрожала от холода на ледяном ветру.

– Откуда вы? – продолжал Родриго.

– Вынужденная посадка, – ответил Адам. – Нас пятеро. Нам нужно найти место, где переночевать.

– Общие спальни в аэропорту вас не устраивают?

– Нет, моя жена любой ценой хочет получить комнату в отеле.

– Их нет, – сказал Родриго. – У меня нашлось бы кое-что для одного человека, но не для дамы...

– Бесплезно это говорить, она вам не поверит, – ответил Адам. – Моя жена так упряма! Она видела на французском телеканале репортаж про отель «Париж» и хотела бы туда поехать.

– Этот отель еще не достроили, а все номера на этот период были уже забронированы.

Почти миллион туристов прибыли в Лас-Вегас.

Подошел Манн:

– Мне подойдет даже самая скромная комната.

– Если вы не слишком требовательны, у меня кое-что есть для вас, – сказал Родриго.

Адам захотел воспользоваться неразберихой и неопределенностью, чтобы избавиться от Манна.

– Не могли бы вы взять такси? – попросил он. – Лично я не имею ничего против вас, но вы раздражаете мою жену. Впрочем, ее все раздражает. Ситуация довольно сложная.

Родриго возразил:

– Этот джентльмен может остаться с нами. Какая разница, пятеро вас или шестеро! Я мог бы отвезти вас за тридцать – сорок миль отсюда. Если вы удовлетворитесь матрасом на полу, то у моей матери есть большая комната, где вы все сможете разместиться.

– Это исключено! – воскликнул Адам. – Если вы предложите это моей жене, наши жизни подвергнутся еще большей опасности, чем в самолете.

Все замерзли.

– Я схожу за женой, – сказал Адам. – В машине ей в любом случае будет лучше, чем снаружи.

Он отошел и обнаружил Элиан и Клотильду чуть поодаль, в небольшой взбудораженной толпе.

– У меня есть комната на одного. Может, она вас заинтересует, – сказал шофер Манну. – Ну что?

– Я ее беру, за любые деньги. Но мне нельзя упускать из виду этих людей. Я должен найти их с вашей помощью завтра утром. Я нанимаю вас и хорошо заплачу за услуги. Куда вы их повезете?

– Думаю, у меня есть местечко, где они смогут расположиться.

Самуэль протянул ему пятьдесят долларов.

– Вот аванс, а полную сумму назовете вы. Но учтите, я щедр, но не дурак.

Мексиканец указал на Адама, который шел обратно с дамами.

– Это он вас интересуется? Что он натворил?

– Какая разница, я же плачу, – ответил Манн. – Но если вы думаете, что они могут исчезнуть или сбежать оттуда, куда вы их отвезете, то мне придется остаться с ними. Даже если надо будет спать на полу, на матрасе.

Элиан вслед за Адамом подошла к микроавтобусу. Она обратилась к шоферу:

– Кажется, вы сможете найти нам комнату? Я не хочу идти в общую спальню. Лучше я всю ночь буду играть в однорукого бандита!

Родриго испугался, что удача уплывет у него из рук:

– Вам там будет очень удобно, если все получится. Но все же всегда есть некоторые сомнения. Идемте скорее!

– Какой у вас тариф? – поинтересовался Адам.

– Сто долларов в час и пятнадцать с каждой сотни сверх, на чай. Особые расценки, потому что 2000 год.

Он открыл раздвижную дверцу и протянул руку Элиан:

– Забирайтесь.

Она обернулась и сказала:

– Не забудьте! Если есть только одна комната, она для меня и дочери. Остальных можете разместить в общих спальнях, меня это не касается.

Подшли Клотильда, Иоланда и Лиз, смахивая с лица хлопья снега, которые пригоршнями швырял в них ветер. Элиан резко сказала Самуэлю, который собирался войти в автобус:

– Вы не оставите нас в покое?

– Одним человеком больше в этой машине, одним меньше, какая разница?

К ним подбежала работница аэропорта и еще раз предложила бесплатное проживание. Родриго, испугавшись, что сделка сорвется, принял их поторапливать: «Давайте, давайте, забирайтесь!» И в мгновение ока захлопнул дверцу. Усевшись за руль, он повернул ключ зажигания. Манн сел рядом с ним...

Иоланда надела очки. «На черепахе похожа», – злобно подумала Элиан.

Микроавтобус отъехал. Небо, все в огнях, полыхало яростно-красным. Ветер раскачивал машину, комья снега разбивались о ветровое стекло. «Анри! – окликнула мужа Элиан. – Нет, вы посмотрите, он совсем оглох там, в этой Австралии». Вымотанный Адам даже не услышал имени Анри. Это не ускользнуло от внимания Лиз, которая, улыбаясь, грызла свое диетическое печенье. «Приятного аппетита», – неожиданно любезно пожелала ей Элиан.

На въезде в город плотное движение регулировали полицейские в плащах из толстой оранжевой ткани и масках, чтобы защитить лицо от снега. Их присутствие сгущало и без того всегда царившую здесь атмосферу города из фантастического романа.

Самая известная улица в мире под названием Лас-Вегас Стрип вся сияла. Разноцветные неоновые огни проникали в сетчатку, и в глазах отпечатывались желто-зеленые пятна.

– Слепнуть можно, – проворчала Элиан, роясь в сумочке в поисках темных очков, но так их и не нашла.

Залитые светом фасады отелей переливались всеми цветами радуги, фейерверками расцветали в небе цифры 2000. Этот бульвар приводил в восторг даже самых пресыщенных путешественников. Но тех, кто прилетал сюда часто, да еще с девятичасовым отрывом от своего привычного ритма жизни, он оставлял равнодушным.

– В этом отеле тысячи номеров, – объяснял Родриго. – Но их почти все забронировали и оплатили еще два года назад.

– Там наверняка есть свободные комнаты, – настаивала Элиан. – А вдруг кто-то умер, не успев доехать? Тогда его место должно быть свободно, нет?

Родриго даже не ответил.

– Впрочем, – продолжала она, – зато Сфинкс меня потряс.

Огорченная отсутствием реакции, она добавила:

– Я готова отбросить свои предрассудки и признать, что покорена! Пусть теперь кто-то попробует назвать при мне Париж Городом огней...

– Здесь это лишь освещение, а там – Просвещение, – вставил Самуэль, стараясь понравиться этим французам с их вечными отсылками к истории.

– Ого! – сказала Элиан. – Это уже перебор! Зачем же так... Вы зря надеетесь втереться к нам в доверие с помощью подобной лести.

Элиан зашла слишком далеко. Адам перебил ее, обращаясь к Манну:

– Не воспринимайте ее всерьез. Моя жена, когда устанет, бывает порой излишне резкой.

– Кто резкий? Я? – вскинулась Элиан. – Нет, я просто говорю прямо. Этот господин подкупил шофера в аэропорту. Комната должна была достаться мне, а не ему!

– Чем раньше я выйду из автобуса, тем лучше буду себя чувствовать, – парировал Самуэль.

Родриго обернулся:

– Успокойтесь, пожалуйста. Меня раздражает, когда сзади кричат.

Обстановка была тяжелая. И все же эти клиенты заинтересовали Родриго. Занятные люди. Ему понравилась та, которую называли Иоландой. Черные глаза и волосы, круглое лицо, тонкие губы, очки в роговой оправе. «Вот такой и должна быть интеллигентная женщина, – думал Родриго. – Интересно, перед тем, как лечь спать, она снимает очки?»

Иоланда защищала свою фирму:

– Агентство устроит вам утешительный тур.

– В любом случае, – заключила Элиан, – мы уже приземлились. Из-за вас могла разыгаться страшная трагедия: сто девяносто шесть погибших, в полночь, 31 декабря 1999-го!

Самуэль встрял:

– Если позволите сделать замечание...

– Говорите прямо, – попросил Адам.

– Когда поднимаешься на борт ненадежного на вид самолета, то как-то надеешься, что пилоты не примут решения о взлете, если подозревают, что это опасно.

– Вы с ума сошли! – возмутилась Элиан. – Да что вы знаете о психологии самоубийц? Вот я (она вскинула руки), я захотела себя убить. Для меня все погибло! А если два пилота собрались умереть вместе? Дружья детства спятили из-за долгов или несчастной любви. Серьезный повод свести счеты с жизнью...

Им казалось, что они болтаются в огромном аквариуме с росчерками ярко-красных и синих огней. Путники восхищались невиданным зрелищем, открывавшимся им перед каждым отелом. Микроавтобус был выше других машин и возвышался над транспортным океаном. С одной стороны машины, бампер к бамперу, ползли к центру, с другой – ехали вверх по Стрип.

Элиан вскрикнула:

– Ой, смотрите!

Справа они увидели сияющую Эйфелеву башню, всю в стальных кружевах. Неподалеку стояла уменьшенная копия Триумфальной арки, а к ней примыкало здание, крыша которого напоминала дворец Гарнье⁴. За этими зданиями-декорациями высился отель из нескольких небоскребов в 40–45 этажей – он назывался «Париж».

– Париж! – воскликнула Элиан. – Может, попробовать все-таки снять там номера? Мы же французы.

– Еще до того, как строительство этого отеля было завершено, все номера на этот период были уже забронированы, – повторил Родриго.

Клотильда тихонько спросила его:

– Вы не знаете, хоть примерно, где мы сможем поспать? У меня, кажется, температура.

– Святая невинность! – процедила Лиз. – «Ах, я вся такая хрупкая, такая беззащитная...» Знает, что делает. Мужики это обожают...

Родриго, крутя руль одной рукой, другой держал мобильник возле уха и говорил по-испански.

Слева туристы заметили отель *Bellagio*, а перед ним, на искусственном озере, – игру фонтанов, достойную Версаля. К *Ceasars Palace* от основной улицы вела широкая дорога, по краям которой стояли мраморные статуи Нерона, Юлия Цезаря, Брута, Августа, Траяна, Адриана, Марка Аврелия и других, в тогах и лавровых венках, – этот отель-казино по-прежнему был одним из самых престижных мест в городе. А чуть дальше, перед *The Mirage*, каждые полчаса извергался вулкан. Потоки камней и огня виртуальной лавы устремлялись вниз, к ногам зри-

⁴ Здание Парижской Оперы.

телей. На огромном экране рядом с «Островом сокровищ» шла морская баталия: отважно сражались два фрегата. Элиан схватилась за голову: погружение в этот ирреальный мир – сон или кошмар, бред или даже что-то вроде счастья? Она спросила:

– Где мы? И кто вокруг нас? Пираты?

– Они что, никогда раньше не бывали в Америке, в Лас-Вегасе? – поинтересовался Родриго у Самуэля.

– Не знаю. Мы мало знакомы.

Вскоре справа возникла имитация Дворца дождей. Над копией моста Вздохов возвышалась башенка. По черным водам каналов проплывали гондолы, протяжные песни гондольеров неслись из динамиков, достигая даже салона микроавтобуса.

Постепенно, раз за разом, ошеломительный хоровод бликов – кроваво-красных, надменно-синих, мертвенно-белых, бледно-желтых – превращал всю компанию в виртуальных персонажей.

Элиан провозгласила:

– Я их всех одурачу, там, в Париже! Но для этого мне нужны открытки. Я хочу им отправить фото Эйфелевой башни из Лас-Вегаса!

Адам пытался оценить опасность, исходившую от этой непредсказуемой особы. Такая не откажется ни от состояния, ни от покупки открыток. Некоторые, порой чересчур забавные черты ее характера, которые она нарочно подчеркивала, вызывали в нем дрожь. Как будто Элиан играла роль.

«Настоящий Морэ, – думал Адам, – не предложил бы эту поездку, разве что в крайней спешке. Чтобы сбежать...» Он с досадой вспомнил, что мог бы просто украсть бумаги и компьютер Морэ. Не было никакой необходимости физически подменять его. Сколько раз Ширли, его жена, ругала его за робость... А теперь он пошел на неоправданный риск.

– Анри! – окликнула его Элиан. – Вот... то, что перед нами... с этим даже кино не сравнится.

«Вот» означало город, это роскошное безумие. Оно вызывало в Элиан настоящую лихорадку, смесь раздражения с восхищением.

Адама охватил нервный смех. Чтобы скрыть его, он сделал вид, что закашлялся. Элиан заметила его уловку и, как с трибуны, обратилась к своим спутникам:

– Не удивляйтесь! Это вполне в его духе: засмеяться в самый неподходящий момент.

Когда мой отец сообщил ему, что у него будет дочь, он хлопнул себя по ногам и воскликнул: «Этого еще мне не хватало! Дочка! Даже не парень! Девчонка!»

Клотильда повернулась к Адаму:

– Ты так сказал?

Манну было смешно. Посреди ослепительных огней, присыпанных снегом, когда перед ними вырастал, словно приклеенный к черному фону неба, огромный цветной клоун – символ отеля «*Circus Circus*» — эти французы копались в семейных воспоминаниях тридцатилетней давности.

– Кто они такие? – спрашивал Родриго. – Что они делают, когда не падают с неба в Лас-Вегасе?

– Это французы, – объяснял ему Манн.

– А во Франции много таких, как они?

– Шестьдесят четыре миллиона.

– Ого, – сказал шофер, впечатлившись. Потом добавил: – Но один из них приехал из Австралии?

– Откуда бы он ни приехал, француз останется французом, – ответил Самуэль. – Вот доказательство: человек с портфелем, по правде говоря, вернулся в Париж из Австралии. Они высадились здесь сегодня вечером, случайно, как и я. А должны сейчас быть в Лос-Анджелесе.

- А что у него в портфеле? – спросил Родриго.
- Компьютер, документы. Деньги еще, наверно.
- А совсем юная девушка, это кто?
- Она австралийка.
- Настоящая или приезжая?
- Настоящая.
- А вы кто?
- Немецкий еврей, – ответил Самуэль.
- Еврей или немец?
- И то и другое!
- А откуда вы?
- Из Австралии.
- Вы все так много путешествуете! – заключил мексиканец.

Элиан наблюдала за ними.

- Месье Манн, опять вы там сговариваетесь? И все насчет комнаты?

Иоланда коснулась плеча Элиан, та подпрыгнула.

– Предупреждаю всех: не трогайте меня! Иначе, даже с забинтованными руками, как ударю!

Лиз вмешалась:

- Посмотрите лучше, что делается снаружи.

В небе над *Circus Circus* вспыхнули цифры 2000. Элиан снова вскинула руки и показала всем грязные бинты:

– Плевать нам на ваш 2000 год! Мне нужны новые повязки! Как подумаю, что в моем состоянии у меня под рукой нет даже стакана воды! Ни воды, ни медпункта! Кошмар...

Родриго наклонился к Манну:

- Они меня убьют из-за вашей комнаты.

Элиан расслышала его слова:

- Мне нужна эта комната!

Родриго обернулся:

- Место, куда я отвезу этого джентльмена, не для дам.

– Да что вы! – не сдавалась Элиан. – Не волнуйтесь. В моем нынешнем состоянии на меня не позарится даже бандит, отсидевший за решеткой лет двадцать!

Она опять подняла руки и добавила:

- Я ранена, а у моей дочери, может быть, воспаление легких...

– Хотите, я отвезу ее в больницу? – предложил Родриго. – Но ее туда не положат: везде все забито.

Адам снова спросил у водителя:

- Куда вы нас везете? Скажите же, наконец.

– На улице вы не останетесь. Если в первом месте нас не примут, у меня на примете есть еще одно. Но сначала я высажу этого джентльмена.

- Подумайте о моей жене! – призвал Адам.

- Там поместится только один человек.

Чтобы подчеркнуть нарастающий драматизм ситуации, Элиан потрогала лоб Клотильды:

- Ты вся горишь!

- Да отстань ты...

- Дети! – вздохнула Элиан.

Они пересекли Сахара-авеню и поехали дальше по бульвару Лас-Вегас. Справа от них вдоль довольно широкого тротуара выстроились свадебные часовни, названия которых светились огромными буквами на вывесках и плакатах. Над одним из таких маленьких деревян-

ных домиков значило: «Женим круглосуточно». Из здания, углы и контуры которого сияли невыносимо-ярким белым светом, выходила парочка. Микроавтобус почти не двигался из-за пробок, и путешественники могли внимательно рассмотреть новобрачных. Недавняя невеста была одета в мини-юбку и сапоги до колен, по всей длине расшитые крошечными лампочками, которые мигали при ходьбе. Следом шел человек с гитарой через плечо, загримированный под Элвиса Пресли. Супруг вел на поводке огромного пса вроде датского дога, с цветочным ожерельем вокруг толстой шеи.

– Свидетели-Элвисы пользуются большим спросом, – объяснил Родриго. – Если кого-то из вас это интересует, сообщаю, что можно сыграть экспресс-свадьбу, не выходя из машины: вы просто опускаете стекло, говорите «да» и через 15 минут можете ехать дальше.

– А у вас не разводятся на ходу? – спросила Элиан.

– Поживите в Рино⁵ шесть недель – и вы свободны.

– Вот была бы страна, где разводятся за пятнадцать минут, – продолжала Элиан мечтательным голосом. – В одну дверь входит муж, который принес с собой кучу денег, а из другой выходит уже экс-супруга, богатая и счастливая. Где бы найти адресок!

Чуть поодаль небо рассыпалось сотнями искр и озарило автобус. Под этим огненным дождем сами туристы, казалось, стали всех цветов радуги. Родриго спросил у них:

– Вы слышали про *Freemont Street Experience*⁶?

– Мне бы стакан воды, – снова сказала Элиан.

Ответа она не услышала: на них потоком хлынула музыка. Элиан зажала уши ладонями.

– Да от такого шума и оглохнуть недолго. Что происходит?

На огромном экране, который, словно второе небо, накрыл улицу Фримонт, происходило виртуальное действие, пришедшее из другой реальности. Еще пару лет назад это была плохо освещенная дорога, по обочинам стояли почти разорившиеся казино, куда заглядывали только поиздержавшиеся местные да туристы, желавшие спуститься на городское дно, где можно потерять все, в том числе и жизнь. Теперь же народ стекался сюда отовсюду. Знаменитый «*Golden Nugget*» – первый отель-казино, построенный, когда город еще только строился посреди пустыни, – весь сиял, от крыши до земли. И те, кто проходил рядом с ним, тоже окрашивались золотым. По другую сторону улицы рядами выстроились другие казино. Яркосиним и красным мигала вывеска «*Binion's*». Вытянув шею, люди глазели на искусственный мир, окружавший их. Гудели ненастоящие самолеты, оркестр на эстраде посреди улицы гремел так, что лопались перепонки. Элиан заткнула уши:

– Я оглохну! – закричала она. – Неужели во всех этих отелях не завалилось ни одной свободной комнатки?

– Уверю вас, что нет, – ответил Родриго.

Целиком захваченная этим вихрем образов, Клотильда совершенно забыла о своих бедах. Ей хотелось только одного – вылезти из машины и затеряться в толпе.

– Я бы прошлась, – сказала она.

– Клотильда права, – сказал Адам – Глоток свежего воздуха нам не помешает.

– Небольшая прогулка всем пойдет на пользу, – согласилась Иоланда.

Родриго решил воспользоваться случаем: если он минут на двадцать избавится от французов, то сможет отвезти Манна в то самое место недалеко от улицы Фримонт, но уже в плохо освещенной и пустынной части города.

⁵ Город на западе США в штате Невада, известный как «самый большой маленький город в мире». Знаменит своими игорными заведениями.

⁶ Экран-купол, накрывающий часть улицы Фримонт в Лас-Вегасе, а также сама эта часть улицы.

– Смотрите шоу, я за вами вернусь. Никуда не уходите с дорожки вокруг «*Golden Nugget*». Если получится, можете заглянуть внутрь, а потом возвращайтесь на перекресток. Я смогу вас подождать только пару минут. Стоянка здесь запрещена.

Адам схватил свой портфель:

– Идемте.

– Можете оставить его в машине, – предложил Родриго. – Я заблокирую дверь.

Адам даже не ответил. Прихватив портфель, он уже догонял Элиан с Клотильдой. Лиз и Иоланда шли вслед за ними.

– Возвращайтесь и ждите меня тут, – сказал им Родриго. – Не теряйте из виду это место! Я буду здесь через двадцать минут...

Он сел в машину и уехал с Манном.

Компания оказалась на улице-фантазии. Никто больше не мерз: пространство под куполом зимой обогревали, а летом охлаждали. Клотильда держалась поближе к Адаму. Лиз заявила, что хочет есть.

– Есть? – удивилась Элиан, пытаясь протиснуться сквозь толпу. – Вы же говорили, что у вас болит живот!

– У меня каменный желудок, – парировала Лиз, которую оттеснила пара японцев, зачарованных картинами на фальшивом небе. – Он может болеть и хотеть есть одновременно!

Толпа расступалась и смыкалась вокруг них. Они подошли к «*Golden Nugget*». Пихаясь локтями, Элиан окликнула одного из служащих отеля, слонявшихся возле главного входа.

– Я ранена. Выслушайте меня, пожалуйста. У вас не найдется свободной комнаты?

Тот покачал головой и отошел. На экране-куполе бородастый великан запускал падающие звезды. Клотильда почувствовала, как ладонь Адама легла на ее плечо.

– Может быть, это Бог? – сказала она. – Бог ярмарок.

– Вот что уж точно меня не волнует!

Даже сквозь шум и грохот Лиз удалось разобрать их разговор.

– Бог? Вы такая забавная! Что тут забыл Бог, есть он или нет?

Компания немцев оттеснила ее, и остальные вдруг как-то отделились. Они несколько раз услышали «*Wunderbar*»⁷, а когда стали продвигаться вперед, усиленно орудуя локтями, – «*Entschuldigung*»⁸.

Элиан раздраженно уцепилась за конец фразы Лиз. Она посмела Бога гневить! Этого нельзя было так оставить.

– Что вы там про Бога сказали?

Лиз отрезала:

– Что он опоздал! Смотрите, что стало с миром.

– Руки прочь от Бога! Я вам запрещаю проявлять к нему неуважение, – воскликнула Элиан.

– Мама, ты так голос сорвешь, – вмешалась Клотильда.

– Французы, – сказала немецкая туристка, стоявшая неподалеку. – По-моему, они «возмущаются». Где-то я слышала это слово...

Она столкнулась с Элиан.

– *Verzeihen sie*⁹, – сказала немка.

– И не подумаю *verzei!* Дайте пройти!

⁷ Прекрасно (нем.).

⁸ Извините (нем.).

⁹ Простите (нем.).

Ослепительная комета пролетала над ними; стены отелей, вовлеченные спецэффектами в оптическую игру, растягивались, разрастались до бесконечности. Водоворот изображений закружил их в таком буйстве красок, что Клотильда сказала вдруг почти равнодушно:

– Мы мертвецы. Порозовевшие мертвецы.

– Ты пессимистка, – решила Элиан. – Бежим отсюда...

И вся компания, растянутая и расплющенная спецэффектами, окруженная светящимся, мерцающим ореолом, стала продвигаться к проходу.

Адам схватил Клотильду за руку:

– Как ты? Устала немного, да?

– Я люблю вас, – прошептала она, совершенно забыв о том, что эти слова могут сказать больше, чем следовало.

– Что? – переспросил Адам. – Ничего не слышу! Ты что-то сказала?

Клотильда помотала головой, вытирая щеки. И мокрыми они были не от снега.

2

Микроавтобус ехал по темным пустынным улицам.

– Комната стоит сто пятьдесят долларов за ночь. Плюс мои комиссионные – еще сто.

Манн задумался:

– Я исколесил полмира, преследуя человека, который не расстается со своим портфелем. Я не могу позволить себе упустить его здесь и сейчас. Я заплачу вам, но они должны быть в пределах моей досягаемости.

– Не волнуйтесь, я знаю, куда их пристроить. Если они не захотят остаться там, им и правда придется провести ночь за игровыми автоматами.

– Куда вы их отвезете?

– У меня есть на примете два местечка. Но для начала было бы интересно узнать, что натворил этот человек с портфелем?

– Я хотел бы получить его показания по одному сложному делу. Он должен вспомнить о происшествии, которое может дорого обойтись компании, чьи интересы я представляю.

Автобус свернул на узкую улочку. Несколько нетрезвых дам и господ гуляли по ней, распевая песни.

– Заплатите мне мою часть до того, как мы приедем в отель.

Манн вынул из кармана пачку американских долларов. Родриго бросил взгляд на нее.

– Сто.

– Я же уже отдал вам пятьдесят...

– Будем мелочиться?

– Нет.

Манн вытащил одну купюру.

– Вот... ваши сто.

Дворники скребли заледеневшее ветровое стекло.

– Да у вас, я смотрю, деньги есть, – заметил Родриго, – и немалые.

– Расходы оплачивает страховая компания.

– Ничего себе, – присвистнул мексиканец. – А я было подумал, что обхожусь вам слишком дорого. Только не размахивайте этими деньжатами в отеле. Ни к чему дразнить Руиса.

Допотопный семиэтажный отель стоял на углу двух улиц: широкой магистрали и узкого проулка. Мигала неоновая вывеска «*El Conquistador*». Правда, «*B*» перегорела, поэтому получилось «*El Conquista om*». И хотя первый этаж был отдан под казино, все равно здание казалось каким-то строгим.

– Душ и кровать... – мечтательно повторил Самуэль. – Прежде чем мы распрощаемся, я хотел бы предложить вам кое-что.

– И что же?

– Сначала заселите меня.

Родриго затормозил прямо перед отелем. Посетители входили и выходили из казино через крутящуюся дверь, громко галдя. Мексиканец заглушил мотор, обошел машину и открыл дверцу.

– Не заходите пока, подождите пару минут снаружи, – сказал он – Надеюсь, что Руис не передумал, но кто его знает.

Самуэль ступил на мокрый асфальт и глубоко вздохнул:

– Хорошо-то как!

Он остался стоять перед казино. Оттуда вышли несколько дам. Одна из них держала в руке стаканчик – она указала им в сторону Манна и воскликнула: «Шестьдесят шесть долла-

ров выиграла!» Самуэлю показалось, что ожидание на холодном мокром ветру затягивается. Наконец появился Родриго.

– Все нормально?

– Да. Но не делайте никаких замечаний. Руис очень ранимый.

Шофер полез в машину и достал оттуда брошюру.

– Я подумал про... вот, держите.

– Что это?

– Увидите...

– Не нужна мне ваша макулатура! – возмутился Самуэль.

– Возьмите.

Они зашли в холл отеля. В нос ударил запах прогорклого жира, табака и затхлости. За стойкой администратора курил мужчина с черными усами и лоснящейся кожей. Он окинул Манна не слишком радушным взглядом и раздавил сигарету в забитой окурками пепельнице.

– Вы там вроде как приземлиться нормально не смогли? – сказал он. – Что за самолет-то хоть был?

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

– А чем платить у вас есть?

Агент вынул из кармана сумму, оговоренную с Родриго, и протянул ее Руису, тот спрятал купюры под стойкой. На золотой цепочке вокруг мощной шеи болтался крест.

– Если вдруг что – мы вышвырнем на улицу твоего протеже! – сказал Руис по-испански Родриго. – Он в курсе?

Самуэль догадался, что замечание было не из приятных. Но Родриго пожал его руку и воздержался от комментариев.

– Ему можно доверять, – ответил шофер.

Самуэль был для них едва ли не посылкой, которую получатель не горит желанием принимать. Он с вождением посмотрел на два кресла в пластиковых чехлах.

– Я мог бы провести остаток ночи в этом уголке, – сказал он. – Так я никому не мешаю...

Руис улыбнулся, обнажив крупные желтые зубы:

– Не беспокойтесь. За ваши деньги вы получите что причитается.

Он облокотился на стойку и напряг две мышцы на предплечье – татуировка зашевелилась. Всякий раз, когда он сжимал-разжимал кулак, девушка на его волосатой руке сдвигала-раздвигала бедра. Он рассмеялся и спросил у Самуэля:

– *Nice¹⁰*?

– Да. *Nice*...

Довольный, Руис взял ключ и протянул его Родриго:

– Веди его!

– В какой номер?

– Как обычно.

Манн заметил лифт за дверью из кованого железа и машинально направился туда.

– Не работает, – сказал Руис. – Ремонтник не пришел. Каждый раз вызываю его под конец года, а он не приходит.

– Он после тринадцатичасового перелета, – объяснил Родриго по-испански. – Еле живой.

– Если он сохнет ночью, заберешь его ты. Мне проблем с полицией не надо.

– Я знаю.

– Что он говорит? – поинтересовался Манн.

– Он желает вам спокойной ночи. Идемте, нам на четвертый этаж.

¹⁰ Забавно? (англ.)

Манн следовал за шофером, стараясь перешагивать через ступеньки и не показывать, что он запыхался. Они в быстром темпе прошли по коридору. Родриго открыл дверь 37-го номера и пропустил агента вперед. Самуэль ошупью вошел в душную комнату. Водитель щелкнул выключателем за его спиной. Манн обвел взглядом помещение в поисках окна, оно угадывалось за старыми бархатными шторами. Кровать с балдахином, чья рама и колонны были обиты той же багровой тканью, из которой были сделаны шторы, – вызвала острое отторжение.

– Вы хотите, чтобы я спал под этим? – спросил он. – Попробуйте открыть окно, пожалуйста...

Раздражение и нехватка кислорода мучили его. Родриго скрылся за шторами и сумел приоткрыть окно, потом принялся расхваливать номер:

– Свежий воздух будет. Зато кровать большая и не грязная. За такую комнату в этот период можно было бы брать по тысяче долларов за ночь. Четыре тысячи долларов за четыре дня праздников!

– Брать за это по тысяче долларов за ночь?

– Да. Но владелец распорядился иначе, вам повезло. Теперь мне надо идти, а то упустим ваших французов. Вдруг кто-нибудь из моих коллег их перехватит...

– Бегите! – сказал Самуэль. – Дайте мне номер вашего мобильного.

Он порылся в карманах пиджака:

– Вот, держите, на этой карточке мои телефоны.

Родриго вырвал листок из блокнота и нацарапал свой номер.

– Пожалуйста.

– Подождите, – Самуэль взял его под руку. – Я вам рассказывал про план.

– Говорите, только быстро...

– Я должен встретиться с ними завтра утром. Но это еще не все. Вы должны объяснить им, что в Лас-Вегасе не будет комнат до следующей среды и им надо ехать в Лос-Анджелес.

– Продолжайте.

– Потом вы предложите им отель в Лос-Анджелесе, пообещаете подходящие номера. У вас наверняка есть там связи с соотечественниками...

Родриго подтвердил:

– Я знаю одних мексиканцев. У них свой отель. Звезд немного, но приличный.

– Скажете еще, что я хотел нанять вашу машину только для себя, но вы убедили меня не бросать их.

– Они в это поверят?

– Сейчас они настолько устали, что не будут особо возражать. Мы должны завтра утром все вместе отправиться в Лос-Анджелес.

– Дорога стоит восемьсот долларов, плюс чаевые.

– Ладно, – согласился Самуэль. – Если человек с портфелем скажет, что у него больше нет наличных, не беспокойтесь, я заплачу. При условии, если вы будете мне помогать во время всей этой операции.

– Ясно, – сказал Родриго. – Моя помощь стоит денег.

– Я ее покупаю.

– Сколько?

– Если вы будете держать меня в курсе их передвижений до завтрашнего утра и гарантируете, что, когда я с ними встречусь, все будет в сборе, – плачу пятьсот долларов.

Родриго присвистнул.

– Продано! Неплохо начинается год. Желаете еще что-нибудь?

– Сообщайте мне все новости.

– Как только я их пристрою, дам вам знать. Если их не примут там, куда я их повезу, остается еще квартира моей матери, по дороге к озеру Мид. Там можно разложить матрасы на полу. Итак, по рукам – сделка заключена!

* * *

После того как Родриго удалился, Самуэль обошел комнату. Ему пришлось побороться с тяжелыми шторами, чтобы закрыть окно: на улице было холодно. Как кот, он принялся исследовать каждый уголок. Узкий шкаф в прихожей был закрыт на ключ, а на мини-баре висел замок. Манн приподнял покрывало: выдавшее виды бежевое одеяло и мятые простыни, но вроде бы все чистое. Он сжал одну из подушек, поролон под наволочкой уже пожелтел. Самуэль снял плащ, повесил его в шкаф, заглянул в ванную, недовольно поморщился и стал раздеваться. Он положил одежду на стул, потом вернулся в маленькую квадратную комнатку, большую часть которой занимала сидячая ванна; ручной душ был неразрывно связан с поржавевшим смесителем. Зеркала в шкафчике над раковиной покрывали серые пятна. Рядом с унитазом на толстой веревке висел полысевший ершик. На краешке одного из трех шершавых полотенец Самуэль заметил след губной помады. Манн наполнил ванну наполовину, перешагнул через бортик и сел в нее. Теперь воды было ему по грудь. Он тщательно намылился тем обмылком, который нашел в металлическом блюде, натер им волосы, потом ополоснулся, держа душ над головой, и вздохнул от облегчения. Несмотря на явный запах хлорки, вода успокоила его. Манн вылез из ванны, вытерся, подобрал трусы, майку и отправился в кровать. Он лег, слегка потянулся, зевнул и вдруг вскрикнул: на внутренней стороне балдахина было зеркало. Очень неприятный сюрприз: он не хотел, чтобы его беспокоило собственное отражение. Пытаясь спрятаться от своего двойника, он накрылся с головой, но отвратительный запах отбеливателя заставил его откинуть одеяло. Тогда он попытался найти выключатель, чтобы погасить лампочки вокруг зеркала. Безуспешно. Вероятно, эта система освещения управляется другим выключателем, но где он? Манн встал, подошел к входной двери, несколько раз зажег-погасил верхний свет, но лампочки не поддавались. И Родриго ведь ничего не трогал, когда зашел в комнату. Самуэль порылся в карманах плаща, взял брошюру, которую вручил ему шофер, надел очки и улегся, стараясь не смотреть вверх. Он разобрал название брошюры: «*When the fun stops*»¹¹.

Текст открывался предсмертной запиской анонимного игрока на грани самоубийства – морального и, может быть, физического:

«Поначалу я играл потому, что это было забавно. Почти как волшебство – возможность почувствовать себя свободным от забот, оков чувств и привязанностей, разочарований, всех проблем повседневности. Я играл и забывал... и это спасительное развлечение могло принести кучу денег! Что еще нужно? А потом я проиграл все. Мне пришлось уехать из Лас-Вегаса, потому что у меня больше не было ни цента. Я потерял все свои сбережения, время, самолюбие, самоуважение. Тот, кто теряет контроль над собой, перестает существовать».

Чуть поколебавшись, Самуэль продолжил чтение. Он пробежал глазами декларацию, в которой власти Невады рассматривали страсть к азартным играм как болезнь. Самуэль восхитился штатом Невада, который, как порядочный отец семейства, таким образом предупредил своих гостей.

Он с вызовом глянул вверх, на другого Манна, и подмигнул ему. Манн из-под балдахина ответил ему тем же. Тогда Самуэль подумал, правда без особых сожалений, что у него уже какой месяц не было секса. Он покачал головой – человек, смотревший на него сверху, тоже. Манн стал читать дальше:

¹¹ Когда веселье заканчивается (англ.).

«Есть люди, которые понемногу впадают в зависимость от игры, как от алкоголя или наркотиков. Постепенно это выливается в ощущение острого и неудержимого желания играть. Эта тяга, и умственная, и физическая, называется *compulsive gambling*¹² — заболевание, связанное с чувством незащищенности и желанием снова стать самим собой. На первых порах человек скрывает свое увлечение от семьи...»

«От семьи?» – подумал Самуэль. Для начала надо, чтобы она вообще была. Его семья? Кузен-ювелир в Лос-Анджелесе, к нему он обещал заехать еще сто лет назад. Одно из тех обязательств, которые не выполняются никогда. Мать, посвятившая свою жизнь страданиям и любви, живет на Лонг-Айленде, делит квартиру с племянницей одного из последних выживших во время холокоста. Когда он приезжал к матери, то чувствовал себя рядом с ней постаревшим ребенком. Что бы она сказала, если бы увидела его в этой дыре?

«Чем глубже *compulsive gambling* затягивает игрока, тем напряженнее становятся его отношения с близкими и тем больше он запутывается во лжи... Эта болезнь поражает как мужчин, так и женщин любого возраста, расы, вероисповедания, независимо от социального статуса и материального положения. Совершенно невозможно предугадать реакцию человека на азартные игры, поэтому ни в коем случае даже не пробуйте!»

«С женщинами та же проблема», – размышлял Самуэль, радуясь своей свободе. Он с сочувствием подумал об узниках плоти, вспомнив расхожее выражение «он(а) у меня в сердце». Любовь или тромб? Состояние такого рода он, как аритмию, относил к сердечным заболеваниям.

На красной странице брошюры перечислялись симптомы игромании, а справа, на розовом фоне, была реклама: «Горячая линия “Проблемы с азартными играми”, круглосуточно, без выходных» – нужно только набрать номер 1-800-522-4700 и попросить помощи у деликатных невидимых собеседников. А уж они помогут вам перестать играть или отговорят от самоубийства. «Снимите трубку и позвоните нам». Подписано: Совет Невады по проблемам с азартными играми.

Самуэль обернулся и снял трубку старенького телефона. Руис ответил сразу же:

– Что-нибудь нужно?

«Вполне услужливо», – подумал Самуэль и ответил:

– Кофе. Могу сам за ним спуститься.

– Не дергайтесь. Я вам его принесу.

Через несколько минут Руис постучал в дверь и протянул Самуэлю бумажный стаканчик, пару пакетиков сахара и пластиковую ложечку.

– Спасибо, – сказал Манн.

Он чувствовал себя по-дурацки в этой майке и растянутых трусах, обвисших сзади.

– Сколько с меня?

– Ничего.

– Скажите...

Манн хотел спросить, как выключить лампочки над кроватью, но не решился. Еще подумает, что он дурак или совсем тупой. Лучше помалкивать.

Когда Руис ушел, Самуэль поставил стаканчик на хлипкую тумбочку возле стены. Он снова увидел свое отражение, на сей раз в зеркале этого ширпотребя. Теперь его возмутил изможденный, полуголый, совершенно нелепый человек с очками на носу. Манн повернулся спиной к зеркалу и сделал пару глотков горячего сладкого пойла. «Этот Морэ, – подумал он, но тут же поправил себя, – ...человек, который носит это имя, вызывает не меньше подозрений, чем тот, кто умер в самолете во время того знаменательного рейса Сидней – Париж». Может быть, они были в сговоре? И задумали сыграть злую шутку, которая им вышла боком?

¹² Игромания (англ.).

Манн сделал несколько шагов по дряхлому коврику, отдавая голые ноги на растерзание прожорливым клопам и клещам. А сам он – разве не простой служащий? Он заслуживает гораздо большего, чем разовые задания? Начальник сказал: «С вашим гибким умом вы наверняка найдете способ, как нам не потерять два миллиона». Кто из двоих был в этом деле настоящей жертвой: живой или мертвый? И чем он сам тут занимается? Прикладывает все усилия, чтобы потом впечатлить пару мелких начальников в агентстве или потешить свое ущемленное самолюбие?

Он растянулся на кровати. Ему вспомнился тот малыш из самолета, который строил ему рожицы. Манн высунул язык. Его отражение не преминуло сделать то же самое. И правда, было что-то неприятное в том, чтобы корчить рожи у всех на виду. В ожидании звонка от Родриго он встал и выглянул в окно. На улице, засыпанной снегом, было шумно. Какие-то зеваки пели песни, а взрывы салютов и россыпи искр напоминали о войне, о ней Манн знал только понаслышке.

«В этой комнате можно было бы поселить двоих или троих, – подумал он. – Здесь хватит места на три раскладушки».

Он принялся ходить из угла в угол. Звонка от Родриго все не было. Где сейчас его попутчики? Ожидание становилось мучительным, и Манну приходилось двигаться, чтобы не провалиться в глубокий сон и не пропустить звонок мексиканца. Манн набрал номер его мобильного, но тот не отвечал.

* * *

Раздался звонок. Самуэль бросился к телефону.

– Аллю?

Это был Родриго, он ждал его внизу. Манн натянул рубашку, оделся впопыхах и помчался к лестнице. В соседнем номере низкий голос что-то монотонно бормотал. Что бубнит этот тип, совершенно не меняя интонации? Молитву? Самуэль присел, завязал шнурок и рванул вниз. В холле в одном из кресел сидела толстая мулатка, наверняка завсегдатай заведения, и рассказывала о событиях этой ночи. Она заметила Манна и задумалась, обратил ли он на нее хоть малейшее внимание. Родриго сообщил Самуэлю, что его знакомые сейчас находятся в «Армии спасения»¹³.

– Я не стал говорить вам заранее, так как не был уверен, что их там примут.

– Это что, шутка? Вы отвезли их в «Армию спасения»?

Родриго охотно пояснил:

– Помощница директрисы одного из ночлежных домов, Карменсита, – моя приятельница. Я ей позвонил, объяснил, что, если она мне не поможет, эти люди останутся мерзнуть на улице... или пойдут в казино, потому что им некуда больше податься. У Карменситы нашлось несколько свободных спальных мест. Салли, директриса, дала разрешение по телефону.

– «Армия спасения»... – ошеломленно повторил Манн.

– Они не захотели остаться в аэропорту... Человек, который вас интересуется, сделал пожертвование в пользу организации. И заказал машину на утро, чтобы забрать багаж в аэропорту. Уже все, даже его жена, поняли, что не найдут здесь комнат. Они хотят отправиться в Лос-Анджелес. Я их предупредил, что вы едете с нами.

– Они возмутились?

– Нет, они слишком устали.

– Вы уверены, что они не возьмут другую машину?

¹³ Международная миссионерская и благотворительная организация. Занимается оказанием нуждающимся социальной, медицинской, консультативной, моральной и иной поддержки, включая предоставление помощи в чрезвычайных ситуациях.

– Нет. Мы договорились на завтра, на семь утра. Я заеду за вами чуть пораньше.

Толстая мулатка, обиженная отсутствием внимания со стороны Самуэля, окликнула его:

– Эй, вы!

Он удивленно обернулся:

– Что вам угодно?

– Не желаете особый массаж?

Родриго знаком показал ей: «Замолчи!»

– Прекрати. Ты ошибаешься!

– Ты что, заткнуть меня хочешь?

Шофер потянул Самуэля за рукав.

– Не слушайте ее. Идем!

– Не беспокойтесь: чтобы меня спугнуть, этого мало. Скажите лучше, вы уверены, что в отеле в Лос-Анджелесе хватит свободных номеров?

– Я туда звонил. «*Star*» принадлежит мексиканцам. Девяносто пять долларов за ночь с человека, за двоих – сто двадцать. Ждали японских пенсионеров, но они отложили поездку из-за сильной загруженности воздушного пространства. Слишком много самолетов в небе. Пока суд да дело, сможете удобно разместиться. Я сказал об этом французу, он, кажется, так спешит уехать из Лас-Вегаса, что на все согласен.

– А что с женщинами?

– Та, что самая секси, чуть-чуть приболела... Карменсита о ней позаботится. Но она сможет завтра поехать, точно!

Манн был доволен, почти умиротворен. Теперь он мог слегка вздремнуть.

– Вы хорошо поработали, – сказал он мексиканцу, – и получите свои пятьсот долларов.

– Отлично, – сказал Родриго. – Завтра утром я заеду за вами, где-то без пятнадцати семь, и отправимся к ним.

Манн вспомнил про лампочки и сказал о них Родриго. Но мексиканец уже забыл, как там работает освещение.

– Я повернул выключатель. Может быть, они зажигаются вместе с люстрой, а чтобы их погасить, надо нажать еще что-нибудь? Если надо, я могу спросить у Руиса.

– Нет.

Манн не хотел сносить насмешки Руиса или раскатистый хохот мулатки.

– Я поищу сам, – сказал он.

Он попрощался с Родриго и, уже поднимаясь по лестнице, услышал, как толстая мулатка снова позвала его:

– Если передумаете, то позвоните. Пятьдесят зеленых...

Руис неприличным жестом велел ей заткнуться. Она поняла, что лучше не настаивать, а не то потеряет расположение управляющего «*El Conquistador*».

3

Салли – афроамериканка, которую два года назад назначили директором ночлежного дома в Лас-Вегасе, заботилась о людях, волей судеб оказавшихся в этих маленьких блочных домиках, построенных в не слишком популярной части города. Салли собиралась провести новогоднюю ночь у мамы. Но в то самое время, когда неистовый Лас-Вегас, сверкая всеми мыслимыми огнями, казалось, сжигал небо в честь миллениума, около двух часов Салли позвонила ее помощница и попросила разрешения приютить пять человек, которые в результате вынужденной посадки самолета оказались в Лас-Вегасе:

– Их привез мой друг, Родриго. В отелях нет мест, а эти люди совершенно измотаны... Четыре женщины – одна ранена, другая больна – и один мужчина. Катастрофы удалось избежать, и размещение большей части пассажиров взяла на себя администрация аэропорта.

– А их почему не разместили?

– Они хотели поехать в город. Родриго подвез их в своем микроавтобусе, не хотел упускать выгодное дельце. А потом, не найдя других вариантов, привез их к нам.

– Но почему именно к нам?

– Это был единственный выход. Он был в затруднении. Он ведь обещал им помочь. Если вы им откажете, то, чтобы укрыться от снега и ветра, им придется провести ночь в казино. Мужчина, на вид приятный, явно обеспокоен этой ситуацией. Они все еще ждут в автобусе перед главным корпусом.

Салли задумалась.

– Родриго ставит нас в неприятное положение.

– Гораздо важнее, что эти бедные люди страдают. Для мужчины я могу поставить одну из запасных раскладушек в маленьком кабинете, которым мы не пользуемся. Больную девушку можно пристроить в медпункт, вместе с раненой матерью. А еще для двух женщин есть свободные кровати в палате номер три.

– У нас не гостиница, – напомнила Салли. – Вся эта история может шокировать других наших постояльцев. Поселить и накормить этих легкомысленных туристов за счет наших дарителей... И единственное, что их оправдывает, – это крушение, которого они едва избежали...

– Они валяются с ног от усталости! – причитала Кармен-сита. – Говорю вам, они еле живы. А мужчина, по словам Родриго, обещал сделать взнос в наш фонд

– Ни в коем случае нельзя принимать от них деньги, – отрезала Салли. – Но мы не можем войти в новый век, оставив этих людей на улице. Разместите их и ждите моего приезда: не хочу зваливать на вас такую ответственность.

Карменсита выбежала из главного корпуса, и ветер принялся хлестать ее по щекам мокрым снегом. Она приблизилась к автобусу. Родриго, стуча зубами, ждал ее возле машины.

– Все хорошо, – сказала Карменсита. – Но разрешение я выбила с трудом. Ты поступил легкомысленно! Надо было оставить их в аэропорту. Да что там, теперь уж все улажено. Пусть заходят.

– Спасибо, – сказал Родриго. – Для меня это золото, а не клиенты. Я это сразу понял. Их багаж остался в аэропорту. Завтра заберем. Надо бы их накормить горячим супом.

Карменсита взобралась на ступеньку, открыла дверцу и заглянула в салон.

– С Новым годом! – сказала она. – Добро пожаловать! Мне разрешили вас разместить. Постараюсь сделать все, чтобы ночь прошла для вас приятно. Но вы должны будете уехать завтра, рано утром.

Элиан встала и подошла к раздвижной дверце, стараясь ничего не задеть забинтованными руками.

– Спасибо, что помогли нам выбраться из этого ада. Спасибо!

Карменсита помогла ей спуститься. Родриго поухаживал за Клотильдой, Лиз и Иоландой. Адам, покусывая губу, рассматривал место, куда их привезли. Теперь Элиан точно не прекратит над ним издеваться, и поделом.

– Где мы? – спросила Элиан.

В широком, хорошо обогретом коридоре она увидела темнокожих мужчин и женщин, они почти окружили вновь прибывших и радушно приветствовали их, поднимая бумажные стаканчики, судя по запаху – с пуншем.

– Что это за место? – снова спросила Элиан.

– Ночлежный дом «Армии спасения», – ответила Карменсита. – Эта ночь – особая. Обычно в этих стенах не бывает алкоголя, но сегодня праздник, Новый год... Наверно, вы проголодались? У нас есть гороховый суп, он просто бесподобен, и отличное рагу из ягненка.

Элиан со смехом обернулась. Увидев, что к ней идут Адам с Клотильдой, а за ними Иоланда и Лиз, она развела перебинтованными руками и объявила по-французски:

– Добро пожаловать в лучший отель города! Поздравьте моего мужа с прекрасным выбором!

Один из темнокожих постояльцев наблюдал за этой сценой. Такое неожиданное оживление показалось ему забавным. Карменсита окликнула его:

– Проводи наших гостей в столовую. Их надо угостить супом.

Элиан, истерически хохоча, вцепилась Адаму в руку и продолжила, обращаясь теперь ко всем присутствующим:

– Мы встречаем новый, 2000 год в «Армии спасения»! Только полюбуйтесь на этого потрясающего господина: он специально вернулся из Австралии, чтобы завезти нас сюда. Он так все здорово рассчитал по датам, по часам... Вот он, перед вами, этот утонченный ценитель интерьеров!

Адам довольно резко прервал ее, схватил за руку и вынудил следовать за Кармен, немного растерявшейся при виде этой сцены. Улыбчивый негр, видимо привыкший оказывать помощь, предложил свои услуги Иоланде и Лиз. Их прежде всего интересовал праздничный стол, поэтому они оторвались и от так называемого Морэ, и от его жены с дочерью, которые пошли к медпункту вслед за Кармен. Сопровождаемые окриками, смешками, тычками в спину, Иоланда и Лиз оказались в большой комнате, где был накрыт стол. С одной стороны его украшала огромная супница, а с другой – кувшин с пуншем. На серебристых пластиковых тарелках еще оставалось несколько сэндвичей. В дальнем углу на стене висел плакат «*Happy New Year 2000*». Девушки уселись на деревянную лавку в конце стола, и одна из добровольных помощниц налила им пунша. Юная негритянка ни о чем их не спрашивала: кто угодно мог попасть сюда, и постояльцы уважали тайну чужих бед.

– Напьюсь и вырублюсь, – решительно сказала Лиз.

* * *

Карменсита предложила Адаму расположиться в маленьком кабинете:

– Вам здесь будет удобно.

Она взяла ключ и открыла дверь. Он рассыпался в благодарностях. Карменсита предложила ему раскладушку, которую должен был принести один из недавних постояльцев. Адам обнаружил в комнате стул, стол и, к его огромной радости, несколько розеток, рядом с металлическим шкафчиком. «Спасибо, – повторил он. – Позаботьтесь, пожалуйста, о моей жене и дочери». Даже если он слегка перегнул с выражением признательности, перед человеком, который его приютил, надо было держать марку. Он вышел в коридор и коротко пожелал спокойной ночи своим дамам: «До скорого, или до завтра, – сказал он им. – Может, я еще загляну к вам на минутку. А если не найду, тогда увидимся рано утром». Карменсита отвела женщин

в медпункт, где им были постелены две кровати. Элиан поставила сумку, ополоснула лицо, стараясь не смотреть в зеркало над раковиной, и улеглась прямо поверх серого покрывала на одной из узких кроватей. Другую заняла Клотильда.

Когда Карменсита предложила ужин, они попросили только воды.

Телевизор, подвешенный под самым потолком напротив кроватей, беззвучно показывал кадры со всех уголков мира. Сменялись часовые пояса, праздник переходил с одного континента на другой.

Карменсита подождала, пока Клотильда ляжет в постель, и сунула ей в рот термометр. Девушка попыталась воспротивиться.

– Лучше его не глотать, – посоветовала помощница. – Немного терпения...

– В градусниках теперь нет ртути, – заметила Элиан. – Даже если она его проглотит, ничего страшного не случится.

Через две или три минуты Карменсита вытащила прибор.

– Есть небольшая температура, – констатировала она. – Это и неудивительно, после такого-то путешествия.

– А его вы куда отвели, мужа моего? – спросила Элиан.

– Он в маленьком кабинете, на который вы обратили внимание.

– Если бы вы подселили его к вашим бродягам, это доставило бы мне огромное удовольствие.

– Мы не называем наших постояльцев бродягами...

Элиан вздохнула.

– Вы правы. Но я слишком устала, чтобы подбирать более вежливые выражения. А где остальные две девушки: та, которая с носом как у Пиноккио, и еще одна?

– Они пьют пунш в столовой. А вам принести?

– Нет, спасибо. Я как раз собиралась пойти в туалет.

– По коридору до конца и направо.

Клотильда только что выпила таблетку, которую ей дала Кармен. Она легла и закрыла глаза. Ей надо было отдохнуть.

Элиан вышла и зашагала по коридору. В дамской комнате несколько дверей были закрыты. Она подергала крайнюю, но кто-то придерживал ее изнутри. Та, которая сидела внутри, пробормотала что-то неразборчиво-английское, спустила воду и открыла дверь, другой рукой натягивая широкие штаны. Она доходчиво объяснила жестами, что замок сломан. Элиан пришлось стоять на полусогнутых и держать ручку. Потом она долго мыла руки, изредка бросая быстрый взгляд на свое отражение. «Страшная-я-я», – подумала она.

На обратном пути, заблудившись в коридорах, пропахших супом и нафталином, она столкнулась с желтозубым старичком, который вывел ее к медпункту. Клотильда, похоже, спала. На телеэкране Элиан увидела кадры Парижа: там уже было утро субботы. Пустынные улицы, крупным планом – французский флаг под Триумфальной аркой, толпы зевак на Елисейских Полях. Наконец-то оставшись одна, Элиан могла делать что заблагорассудится, и выражение ее лица изменилось. Она раскрыла сумочку, включила в розетку американский адаптер и поставила мобильный на подзарядку. Элиан взяла пластиковый стаканчик, налила в него воды из баллона на столе, потом пододвинула к стене стул, чтобы скрыть свои приготовления. Она достала из сумки часы, выставленные на европейское время. В Париже был уже полдень: кое-кто должен был ждать, что она вот-вот позвонит.

«Пока все идет не по плану, но я разберусь», – подумала она и легла спать.

* * *

Карменсита поставила раскладушку в кабинете и сообщила, что директриса скоро будет. Рассыпавшись в благодарностях, Адам подключил ноутбук и, борясь с усталостью, снова взялся за свои изыскания. Когда сон все-таки одолел его, он растянулся на раскладушке. Адам взглянул на дорогие часы, которые снял с руки покойника, его попутчика в самолете. Он сравнил время в Сиднее, Франции и Лас-Вегасе, потом встал и отправился в коридор на поиски туалета. Седеющий афроамериканец вышел из уборной, бормоча на ходу:

– К чему метаться! В час Страшного суда мы все будем равны!

Облегчившись, Адам вернулся в кабинет и снова уселся за клавиатуру. «Миллионы слов...» – подумал он. В самолете, перед тем как поменяться личностями с покойником в соседнем кресле, он положил в собственный портфель, его потом пришлось выбросить, дискету с программой, которую он разработал. Дискета была более чем опасна: через несколько секунд после проникновения в систему вирус взламывал ее и уничтожал все данные. Адам называл эту программу «пиранья». Его так и подмывало запустить «пиранью» в компьютер Морэ и все стереть там подчистую. И больше никаких денег! Никаких секретных счетов! Никаких безумных попыток подобрать код, что позволит снять деньги и перевести на его счет. Стать безымянным бродягой. Ни женщин, ни кодов, ни Манна, только безграничная свобода человека, у которого нет больше ничего. Он нашел в портфеле Морэ дискету с довольно забавной программой-лексиконом, предназначенной для детишек, они строят из себя маленьких гениев, обхватив ручонками свои большие головы и пуская по экрану потоки слов. Сколько часов, дней, месяцев понадобится, чтобы найти пароль? Теперь Адам примерно представлял себе суммы, осевшие на счетах Морэ в разных странах, но покойник заблокировал все финансовые операции. Сразу после «подмены», когда он в первый раз столкнулся с украденным компьютером, Адам предположил, что Морэ хорошенько защитил важные данные в соответствии со своими потребностями и «пунктиками». Его, кибергения, которому нет равных, превзошел в профессиональном плане специалист неопределенного профиля, просто закодировав файлы? Адам взял «склерозник» Морэ и стал снова искать. Среди слов, обведенных золотой ручкой, на глаза опять попался «Тутанхамон». Во время изысканий в Париже он отложил его на потом. А здесь, в этой ночлежке, ему никто не помешает. Адам напечатал: «Тутанхамон». На экране сначала высветился «Луксор», потом замигал «Сфинкс». Было ли это как-то связано с отелем, который они видели чуть больше часа назад, приехав из аэропорта? Сфинкс – его символ. Или Морэ что-то спрятал в Египте? В ответ на запрос на экране появились цифры, даты и имя «Хеопс». Адам попробовал найти дополнительные сведения. Он получил их благодаря слову «мумия», обведенного в тетрадке черным. Когда Адам ввел это слово, строчек стало больше и появилось несколько новых цифр. Поразмыслив, он решил, что это даты пребывания Морэ в Лас-Вегасе. Хеопсом могли звать девочку по вызову. В описании примет и особенностей некой особы чувствовалась неприятная снисходительность. Видимо, Морэ был в Лас-Вегасе четыре года назад. Почему он не поехал кутить в Гонконг или Сингапур? Что ему было нужно в Лас-Вегасе? Девчонка? У него и в Сиднее их было сколько угодно. Почему именно Лас-Вегас? Адам подумал о возможной переправке незаконных иммигрантов и открыл файл «Импорт». Третью экрана заполнили строчки: «Большие светлые глаза, сужающиеся к вискам. Натуральная блондинка. Иммигрантка. Может заменить С. Материал высшей пробы. Естественная гибкость. Покорная. Похожа на Хеопса». Он вернулся к «Сфинксу», может, стоит отработать этот вариант? Адам напечатал: «Каир». Мерцание. Он попробовал «Caire». Отказ.

Замигала иконка, пришло новое сообщение по *e-mail*. Он кликнул «Входящие». Его разыскивал некий Смит. Кто он такой? Адам запросил информацию по Смицу. Купля-продажа всех видов недвижимости. Чего этот Смит хотел от Морэ? В Лас-Вегасе было три часа ночи,

значит, в Сиднее – где-то девять часов вечера. Адам набрал номер, значившийся на экране, и через несколько минут услышал сквозь помехи чей-то восторженный голос. Судя по шуму прибора и детским крикам, его собеседник был на пляже.

– Это Смит? С вами говорит Морэ.

Человек на другом конце земли воскликнул:

– С Новым годом, господин Морэ! Я на пляже Бонди. Слышите? Серфингисты катаются на досках в свете прожекторов. Вы где?

– В Калифорнии.

– Здорово! Вы уже тоже встретили Новый год? И как праздник? У нас тут просто потрясающе.

– Тем лучше. Вы меня искали... Могли бы позвонить...

– Но вы же сами сказали «только по *e-mail*».

– И правда, – признал Адам, проклиная все эти неизвестные ему подробности из жизни человека, чье прошлое он должен был присвоить.

– Тут так жарко, – сказал Смит. – Слышите? Все зашли по пояс в воду, отправляют пожелаания по мобильным. А как у вас там?

– Снег. Значит, вы тоже в воде?

– Нет. Я отошел в сторонку, чтобы поговорить с вами.

– Давайте поговорим.

– У меня для вас две новости: хорошая и плохая. Правда, половина хорошей тоже плохая.

– Слушаю вас. Выкладывайте обе. Сразу!

– Хорошая: я нашел покупателя для дома на Уотсон-Бэй. Вы так спешили...

Адам задумался. Видимо, прежде чем уехать из Сиднея, Морэ выставил свой дом на продажу. По обрывкам фраз, из которых ему всякий раз приходилось восстанавливать полную картину, Адам понял, что Морэ очень хотел продать дом – срочно.

– Значит, продаем.

Он не имел ни малейшего представления о том, какие документы понадобятся агенту и какого рода полномочиями наделил его Морэ.

– Вы же могли принять решение, не советуясь со мной, не так ли? – добавил Адам наугад.

– Если бы клиент не торговался. Но он торгуется!

Адам осторожно предложил:

– Я скину пятнадцать процентов.

– Вы чересчур задрали планку. Вот если снять процентов двадцать, тогда дело бы пошло.

По крайней мере, если результаты обследования подвала будут не слишком плачевны. И вот тут я должен сообщить плохую новость.

– Кто это собирается обследовать подвал? О чем вы говорите? – спросил Адам.

– У покупателя четверо сыновей в возрасте от восьми до тринадцати лет. Он хочет оборудовать внизу игровой зал с телевизором, компьютерами, разными видеоиграми. Дом его заинтересовал именно своим просторным подвалом. Я направил архитектора для проведения этих работ. Отчет будет предоставлен покупателю. Вы мне дали карт-бланш... на все, кроме цены.

– Но к чему все эти исследования?

– Кому как не вам знать: под бетоном песчаная почва. Сначала проверяли фундамент на прочность.

Адам внезапно заподозрил что-то очень неприятное.

– Продолжайте, пожалуйста! Связь вот-вот может оборваться.

– Во время взятия проб песка и скалистой породы были обнаружены подозрительные следы... В частности, на одной из стен.

Адам едва чувствовал тяжесть трубки в руках.

– Что за следы?

– У архитектора и его группы создалось впечатление...

– Какое?

– Я знаю, это прозвучит абсурдно, но...

– Короче!

– ...рядом с местом, где вы храните вино – там, где песок, – кого-то...

– Да что же?

– Ранили или даже убили!

– Вы с ума сошли! – воскликнул Адам. – Или пьяны!

– Нет. По их словам, они нашли мельчайшие частицы человеческого происхождения.

Одного из помощников архитектора привлекло небольшое черноватое пятнышко, в котором он обнаружил налипшие волосы.

– Продолжайте! – приказал Адам. – Я возмущен!

– Говорить дальше? – спросил Смит.

– Разумеется!

– Пробы отправили на анализ ДНК. Я объяснил заказчику, что эти ужасные открытия вас ни в коей мере не касаются: вы владеете этим домом всего несколько лет и, когда его купили, у него уже могло быть прошлое... Вы сделали перепланировку, расширили террасу...

– Подобные исследования ставят меня в неприятное положение, – воскликнул Адам. – Вы представляете, какие пойдут слухи! Может, туда забрались бомжи, бродяги, они подрались...

– По закону вы как нынешний владелец несете ответственность за все, что связано с домом. Нет ничего проще, чем доказать, что вы не имеете отношения к событиям, которые происходили до вступления вами во владение этим помещением, – заключил Смит.

Адама прошиб пот.

– Что это там за крики вокруг вас?

– Люди на пляже... Я понимаю, что вам неприятно, но факты есть факты.

– Может, покупатель выдумал эту мерзкую историю и разыграл спектакль, чтобы сбавить цену?

– Исключено. Это известный и уважаемый человек. Его жена посвятила жизнь воспитанию четверых детей. Господин Морэ, лучше бы вам вернуться и взять дело в свои руки. У вас же должны быть все документы, связанные с прошлым этого дома, и фамилии предыдущих хозяев.

– О немедленном возвращении не может быть и речи! Откажите этому вашему покупателю.

– Даже если он не купит дом, то не бросит это дело.

– А какой ему в этом смысл?

– Никакого. Но он судья...

– Судья?

– Да. Он унаследовал от английской родственницы крупное состояние, поэтому может себе позволить купить такой дом, как ваш. А теперь, по его словам, он хочет узнать подноготную этой истории.

Адам украл личность Морэ вместе с его прошлым, на котором, может быть, лежит печать преступления! Ему стало плохо. Если бы не эта безумная авантюра, он мог бы присутствовать при крушении Морэ. О, с какой радостью, с каким дьявольским наслаждением упивался бы он огромными заголовками: «Бизнесмен французского происхождения замешан в грязном деле... Ведется расследование». С каким восторгом Адам ждал бы его ареста и суда! Если бы Морэ приговорили, это бы его несказанно обрадовало. Но по «счастливой» случайности он оказался теперь на месте человека, которому грозит обвинение в убийстве. «Да, нечего сказать, повезло неудачнику!» – подумал он.

– Вам ни в коем случае нельзя было позволять там копать, – сказал Адам без особой убежденности. – Прекратите это все немедленно!

– Вы подписали доверенность, которая позволяет мне проникнуть в дом и провести его оценку, чтобы узнать реальную стоимость. Поэтому я и пригласил архитектора... Такой поворот событий нельзя было предугадать.

Адам сухо сказал:

– Я снимаю дом с продажи.

– Уже поздно. Частицы на экспертизе. Мы ждем результата.

– Надо положить конец этим проищам! – сказал Адам – Я еще раз говорю вам, что снимаю дом с продажи.

– Вам это доставит еще больше неприятностей. Подумают, что вы боитесь расследования. Я пока скажу, что не смог с вами связаться.

Адам сказал примирительным тоном:

– У меня есть идея получше: вы вдруг вспомните, что я собираюсь вернуться в конце февраля.

– А где вы, собственно, сейчас?

– В Калифорнии.

– По словам судьи, если тест ДНК окажется положительным...

– Положительным? Относительно чего?

Голос Смита стал тише:

– Не знаю даже, как вам сказать... Они собираются сравнить собранные улики с теми, которые были обнаружены в квартире красивой девушки из Чехии... она исчезла...

– Какая связь между ней и мной?

– Вы нанимали гастарбайтеров из Восточной Европы.

– Ерунда! – сказал Адам – Все это глупости. Надо потянуть время, пока я буду искать прежнего владельца дома. Ясно?

– Мне? Да. А вот судье? Это другое дело. Я буду держать вас в курсе.

– Если вы пресечете слухи, получите большие комиссионные. Надбавку к сумме, указанной в контракте.

– Спасибо, – сказал Смит. – Единственная загвоздка в том, что раз уж полиция заинтересовалась, пусть и не напрямую... если вас не будет, скажем, вы сильно задержитесь с приездом, то международный ордер на арест...

– Алло, алло, алло...

Связь прервалась.

* * *

Адам застыл. На экране мигала надпись: «Сохранить или отменить». Компьютер, опасный противник, его провоцировал. Адам мстительно закрыл его. Когда-нибудь он точно запустит в него вирус, если только не сбросит с палубы корабля посреди моря и не отправит на заросшее водорослями подводное кладбище.

Адам был без сил. «Надо вздремнуть», – подумал он. Но даже мысль о том, чтобы закрыть глаза, вызвала у него чувство вины. Он вышел в коридор найти что-то попить. Карменсита как раз прикрывала дверь одной из спален, и он, улыбаясь, подошел к ней.

– Взываю к вашему великодушию.

– Еще кого-то надо поселить? – спросила она.

– Нет. Но если я не взбодрюсь хорошей дозой кофеина, то засну. А мне надо работать.

– Бедный! Даже в такую ночь!

Карменсита была любезна.

– У меня есть термос с мексиканским кофе, почти полный.

– Даю вам двадцать долларов, – сказал Адам, – за то, чтобы выпить его целиком.

– Не смейтесь над гостеприимством мексиканцев! Я угощаю вас кофе. Кстати, я только что узнала приятную новость: наконец-то я могу пойти спать! Скоро придет Салли, директриса.

Она отвела Адама в главную комнату, отведенную для персонала ночлежки, и достала из своего шкафчика термос и несколько пакетиков сахара.

– Только, если вы умрете, меня, чур, в убийстве не обвинять.

– Кофе такой крепкий?

– Увидите!

Адам рассыпался в благодарностях, прижал к себе термос и спросил, как здоровье его дочери.

– Я сказала одному из наших врачей-добровольцев. Он скоро придет. Но с ней ничего серьезного. А куда вы поедете завтра?

– В Лос-Анджелес, конечно.

* * *

Вернувшись в кабинет, Адам маленькими глотками стал пить мексиканский кофе, сладкий, крепкий, густой. Через четверть часа он в своих мечтах был уже далеко, бросив на произвол судьбы Клотильду с ее температурой, Лиз с ее молодостью, Элиан с ее требованиями, Иоланду с ее древним самолетом. И Манна. Манна тоже? Может, не стоит от него избавляться? Разве не любопытно было бы продолжить путешествие с ним, бросить ему вызов, помериться силами? Рискованная дуэль, но каков соблазн!

Может, предложить ему денег на обратный билет в Сидней. «Еще Манн может исчезнуть во время несчастного случая, – подумал он с некоторой завистью. – Тогда страховая компания отправит другого агента?» Потом, продолжая бороться со сном и прихлебывая кофе, он принялся размышлять. Вариантов появления следов в подвале дома на берегу Уотсон-Бэй было множество. Может, там поселились бродяги? Они могли подраться, ранить кого-то, мужчину или женщину. Морэ был очень богат, он платил девушкам, менял одну за другой и всячески демонстрировал свою щедрость, чтобы не иметь забот. Он бы ни за что не оказался замешанным в делах такого рода.

Зато Адаму грозила другая опасность. Во время полета Морэ принял лекарство – образцы препарата, который собирается запустить в производство лаборатория, где жена Адама, Ширли, работает в должности замдиректора. Она рассказывала ему об этих таблетках, они должны принести огромную прибыль. Нужно только подождать. «Не раньше чем через полгода после того, как поступят в продажу», – сказала она. Успокоительное, совершенно не вызывающее привыкания. Мощное средство против боязни самолетов. Как Морэ смог достать эти образцы? У него тоже были связи в фармацевтических кругах?

Адам больше не мог. Он лег и через несколько секунд провалился в тревожный сон, в котором то и дело вспыхивали яркие картинки и внезапно возникали вопросы. Через каких посредников Морэ раздобыл шкатулки с надписью «образцы лекарственного средства»? Он прогнал абсурдную мысль: может быть, Ширли и Морэ были знакомы? За последние несколько месяцев поведение Ширли изменилось. Обычно она старается экономить, а тут согласилась, чтобы муж полетел в Париж первым классом. Она знала, что Адам хочет сидеть рядом со своим врагом, и даже не попыталась его разубедить. К тому же она мгновенно согласилась отправиться в Коломбо для опознания и подтвердить, что это труп ее мужа. Сколько лиц вихрем пронеслось в этих кошмарах. Ширли с накладными ресницами – она же почти не красится! И откуда этот пустой взгляд? Собака бежит перед машиной Адама, которая подъезжает к их дому

в Сиднее. Идиллическая сцена с собачкой. Потом, в один прекрасный день, собака пропала. «Украли», – объяснила Ширли. Украли, как будто случайно...

Он сел и взглянул на ручные часы. Спал всего час? Кошмары длились всего шестьдесят минут?

4

Из соседнего номера до Манна доносились шум и громкая ругань. «Успокоятся же они когда-нибудь?» – подумал он, избегая встречаться взглядом со своим отражением в зеркале под балдахинном. У Самуэля было неприятное ощущение, что он находится в зрачке какого-то мифического существа, которое разглядывает его с неподдельным интересом. Он по-прежнему не знал, как выключаются лампочки над кроватью, поэтому накрылся левой рукой, согнув ее в локте, и стал размышлять. Заснуть при такой иллюминации он не мог.

Манн встал и подошел к окну. На улице было тихо, только иногда долетали легкие отзвуки музыки. Самуэль вернулся и снова упорно принялся за поиски: ощупал края кровати, ночного столика и наконец на ровной поверхности стены за маленьким шкафчиком обнаружил выключатель. Избавившись от своего двойника, он улегся и погрузился в беспокойный сон. Краем сознания он уловил, как открылась и снова закрылась дверь. Сон? Галлюцинация? Через какое-то время он проснулся и посмотрел на светящийся циферблат часов: четыре утра. Вдруг он заметил, что в постели кто-то есть. Он похлопал по кровати. Хотя в комнате было темно, ошибки быть не могло – рядом с ним лежала и посапывала человеческая фигура. Самуэль включил лампочки, и в зеркале наверху отразилась густая волна черных волос. Видимо, фигура была женская. Манн слез с кровати, уселся на единственный стул и задумался. Может, надо позвать Руиса и объяснить ему, что клиентка ошиблась дверью? Женщина обернулась, видимо, свет ее разбудил. Манн не дал ей снова погрузиться в сон:

– Алло... Прошу прощения, что должен вас побеспокоить...

Он стал повторять, как по телефону: «Алло, алло, пожалуйста...» Женщина вздохнула и помотала головой.

– Не нет, а да! – сказал Манн более настойчиво. – Просыпайтесь! Это не ваша комната! Женщина потянулась, из-под одеяла показалась ее рука. Манн поднялся.

– Я стою к вам спиной. Вылезайте из кровати. Я не смотрю.

Женщина подавила зевок и вполне твердо заявила:

– Это *моя* комната. Руис думал, что я проведу ночь в другом месте. Но я передумала.

Повернитесь ко мне, я не собираюсь разговаривать со спиной!

Самуэль, смутившись, подчинился.

– Я дорого заплатил за эту ночь, и, главное, мне казалось, что я закрыл дверь.

– У меня есть собственный ключ. И я плачу за эту комнату каждую неделю.

– Я тут ни при чем, – сказал Манн. – Приношу вам свои извинения.

– Не берите в голову, – ответила женщина. – Руис предупредил меня, что вы здесь и что вас не надо будить. Так что ложитесь и спите дальше.

Она посмотрела, который час.

– Давайте же.

Манн подошел к ней.

– Вы очень любезны, но мне и стоя неплохо. Мы тринадцать часов летели из Парижа в Лос-Анджелес, и из-за неполадки с самолетом наша тесная компания оказалась в Лас-Вегасе. Родриго поселил остальных в другом месте.

– Ох уж мне эти Родриго и Руис, опять что-то нахимичили! Наверняка мне отстегнут какой-то процент, но все равно! А на вашем месте я бы отдохнула. Бояться нечего, не украду я ваш кошелек. Как вас звать-то?

– Самуэль.

– Похоже на Библию.

– Это из Библии. А вас как зовут?

– Амалия. Очень хотелось бы доставить вам удовольствие и ответить: Сара или Ребекка, но я – Амалия. Имя, правда, не мое. Ну и ладно, зато мужчинам нравится. А что, я не заслуживаю хотя бы жалкого, заезженного комплимента? Я вам нравлюсь? Могли бы сказать: «Ах, как мне повезло проснуться с такой женщиной, как вы!», – или еще какую приятную банальность в этом роде.

На вид ей было хорошо за тридцать. Макияж слегка поплыл, под глазами застыли черные разводы туши. Одетая она была во что-то странное и напоминала космонавта, который случайно забрел на сцену «Фоли-Бержер»¹⁴.

– По-моему, вы красивая, – сказал Самуэль. – И удивительная. Вы удивительная...

– Думаете, это подходящее слово? Когда я стала Мисс Озеро Мид¹⁵, мне говорили, что моя красота – трагическая...

– Вот как, – сказал Самуэль. – А Мисс Озеро Мид – это что вообще?

– Это конкурс с довольно четкими критериями отбора: обхват груди, окружность талии, рост и голос, подходящий для пения кантри.

– Вот как, – произнес Самуэль. – Поздравляю.

– Пытаетесь определить цвет моих глаз? То карие, то зеленые.

Она уже расстегнула первую пуговицу своей сияющей куртки.

– Давит немного.

Самуэль покачал головой.

– Пойду спущусь в холл, – сказал он.

– Вы не привыкли к заведениям такого рода, – заметила Амалия. – А ведь любой нормальный мужчина должен побывать здесь хоть раз в жизни.

Она потянулась. Самуэль никогда еще не видел таких длинных ног. Казалось, что блестящие штаны обтягивают их второй кожей. Амалия сняла туфли. Ногти на ногах были покрыты ярко-красным лаком.

– Никогда нельзя знать наперед, – вздохнула она. – Ведь решила же встретить 2000 год без мужчин – ан нет! Один вот оказался в моей постели...

– Представьте, что меня здесь нет, – предложил Манн. – Я сяду и буду читать. Постарайтесь заснуть.

Она не без изящества улеглась обратно и убрала маленький носовой платок в карман сияющей курточки.

– Праздники нагоняют на меня тоску. Каждый раз прокручиваю в памяти всю жизнь. Я столько глупостей наделала. Не хотела платить портье в шикарных отелях. А они лишали меня богатых клиентов. Терпеть не могу таких посредников. Обходятся дорого, лезут куда не надо.

Манн засомневался, следует ли выразить сочувствие или остаться равнодушным? Она приподнялась на локте:

– Вы вообще чем занимаетесь?

– Расследованиями...

– Коп?

– Нет, вовсе нет. Скажем, я специалист по психологии страхования. Прежде чем случится ужасное, я объясняю клиентам, что деньги, вложенные в компанию, могут однажды им пригодиться. А когда ужасное уже случилось, стараюсь утешить ответственных сотрудников компании, которым придется раскошелиться. Вот, теперь вы знаете главное. Лучше мне посидеть до утра внизу.

¹⁴ Варьете и кабаре в Париже.

¹⁵ Национальная зона отдыха на берегу крупнейшего водохранилища в США, которое расположено на реке Колорадо, на границе штатов Невада и Аризона.

– Нет-нет, останьтесь! – попросила Амалия. – Вы тут застряли, и это вас напрягает. Как это произошло?

– Вынужденная посадка, проблема с компьютерами и прочее...

– Да вам еще повезло, что живы остались! Говорят, будут еще крушения... А где остальные уцелевшие?

– Их приткнули в приют или вроде того. Родриго о них позаботился.

– Вечно он что-то проворачивает, всюду у него связи... Что бы вам ни понадобилось, он это найдет. Сколько раз он ко мне обращался, пытался втянуть в какую-нибудь грязную авантюру вроде групповухи. Я уже ученая, одного раза с меня хватит. А вы знаете, что игроки – плохие любовники?

– Нет, – ответил Манн. – До встречи с вами постельные способности игроков меня совершенно не интересовали.

– Хотя ведут себя они занятно. Их голова вся забита всякими тайными комбинациями. Да наслаждайтесь же своим приключением! На часах четыре двадцать, вы в отеле *El Conquistador*, в номере «труженицы ночи», *working woman*, и времени у вас еще до рассвета, – сказала она с усмешкой. – Внизу казино, в нем полно людей, которые надеются выиграть деньги. Но настоящие игроки сидят за столами, например для блек-джека. А до того, как свалились с неба, вы летели откуда?

– Из Сиднея, через Париж.

– Ничего себе крюк.

– И правда.

– А почему сюда? Зачем богатому мужчине срываться в такую даль... У вас же там под боком и Сингапур, и Макао, Гонконг... А, неважно, бывают такие типы, которые приезжают в Лас-Вегас, чтобы их не узнали.

В коридоре возникло оживление, клиенты, туристы бегали, разговаривали, смеялись, откуда-то даже слышались громкие пререкания и удары в дверь. Амалия встала с кровати и отправилась в ванную. Включился душ. Через некоторое время она вернулась в комнату, расчесывая пышные, шелковистые волосы.

– Когда-то я была красавицей, – сухо сказала она.

– Вы и сейчас красавица, – поправил Манн.

– Знаете, когда осознаешь, что время уходит?

– Нет.

– Когда видишь, что рано утром ты весь измятый. Измятый, – повторила она. – Скажите честно, моя профессия вас интригует или шокирует?

– Ни то ни другое. Мне остается только поблагодарить вас за понимание и уйти.

Она подошла к окну и раздвинула шторы. Улица была бледной. Нереальной. Амалия обернулась к Манну:

– По-моему, вы еще не старый, но кажетесь стариком. Наверное, вы очень умный.

– Благодарю за лестное предположение!

Она заулыбалась:

– Вы ведь постоянно думаете, правда? Это же видно.

– Я немного обеспокоен и хочу пить.

– В этом номере есть мини-бар.

– Я заметил.

– Хотите мне предложить что-нибудь? Есть коньяк. И маленькие бутылочки с шампанским... очень дорогие!

– Я не пью алкогольные напитки, но предлагаю вам все, что пожелаете.

– Почему вы не пьете?

– Я отвергаю искажение сознания. Не хочу, чтобы мир плавал вокруг меня.

– Как-то у вас все слишком сложно: мир плавает... А вот я обожаю выпить бокальчик шампанского в любое время дня и ночи. Получается праздник.

Манн достал из кармана пачку долларов:

– Угощайтесь.

– Спасибо, – сказала Амалия, вытянула из пачки двадцать долларов и опустила их в плоский карман курточки. – Я не отказываюсь, но у меня в шкафу есть кофеварка. Я плачу Руису столько, что имею право делать кофе когда угодно. Хотите?

– Да, конечно! – сказал Манн.

Женщина засуетилась вокруг шкафчика, достала маленькую кофеварку, поставила ее на поднос сверху минибара. Вскоре вода забулькала, и над комнатой поплыл аромат кофе. Амалия вытащила из стопки бумажных стаканчиков один, до середины заполнила его обжигающим кофе и протянула Манну.

– Я положила два кусочка сахара. Это слишком?

– Сегодня ничего не слишком. Горячий... хорошо-то как. Я вам бесконечно признателен.

– Будете не таким сонным, – улыбнулась Амалия и, наконец-то нашарив в своей бездонной сумке ключ, открыла мини-бар.

– Я просто замкнутый, – объяснил Манн. – С рождения.

– Больше всего вы похожи на доброго христианина, – сказала она. – Милосердного и до смерти напуганного моим присутствием!

Она успела откупорить бутылочку шампанского и теперь наливала шипучую жидкость в стаканчик.

– Вы ошибаетесь. Я еврей, не слишком добрый и совсем не милосердный. А в Лас-Вегас я приехал, чтобы прижать одного типа.

– Получилось! – сказала Амалия. – Я все-таки сумела вас слегка разговорить.

Она присела на край кровати, потягивая шампанское. Манн снова занял старый стул, аккуратно держа в руке стаканчик с кофе.

– Он бесподобен, – сказал Самуэль, восхищаясь тем, как легко ему удается лгать. Но поверит ли она?

– Вы отпили всего чуть-чуть.

– Американский кофе очень отличается от европейского.

– Если бы мы пили ваш эспрессо, – сказала она, – то все поумирили бы.

– Возможно.

– Так вы еврей? – переспросила она.

– Да. Я уточнил это только потому, что вы назвали меня добрым христианином. Вы могли бы сами догадаться, по имени...

– Но есть же и неевреи по имени Самуэль...

– Конечно.

– От Сиднея до Лос-Анджелеса всего пятнадцать часов на самолете, а вам пришлось выдержать двойную нагрузку, вы же летели через Париж...

– Вы знаете, сколько занимает перелет из Сиднея в Лос-Анджелес?

– Некоторые клиенты бывают по делам в Лос-Анджелесе. Но при первой возможности они сбегают в Лас-Вегас.

– Зачем?

– Чтобы играть. Можно я открою еще одну бутылочку?

– Сколько пожелаете. И они с вами беседуют, эти клиенты?

Он вынул пачку, отсчитал две купюры по двадцать долларов и протянул ей.

– О да! – сказала Амалия – Я возьму. – Она положила деньги в карман. – Они со мной говорят и платят, как будто я психолог. Рассказывают свои истории. Даже австралийцы.

– Вы знаете много австралийцев?

– Те, которые забредают сюда, мало говорят о себе и своих махинациях.

– Махинациях? – подскочил Манн. – Я тоже ищу как раз такого типа, «махинатора», который живет в Сиднее.

Амалия, слегка порозовевшая от шампанского, растянулась на кровати. Она вытащила из ящика тумбочки несколько квадратных пакетиков.

– Презервативы. Если вы вдруг захотите меня...

– Нет, спасибо.

Она рассмеялась и сказала:

– Предпочитаете, чтобы я ходила вокруг да около? Вот увидите, выйдет глубоко нравственно. Итак, начнем: если вы не женаты, то могли бы приятно провести со мной время... Если вы не давали обета безбрачия – то же самое... Если вы не импотент...

– Это все не про меня!

– Тогда, – сказала Амалия, – дело куда серьезнее: вам надо полюбить, чтобы переспать? Я имею в виду, испытывать чувства к партнеру? Такое годилось для добропорядочной женушки, которая жила полвека назад. Половой акт – это не любовь.

Манн прошелся по комнате.

– Амалия, – принялся объяснять он, – я как компьютер, открываю то один файл, то другой. Если бы у меня сейчас была загружена программа «половой акт», я бы уже обнимал вас. А потом запустил бы файл «страсть». Но я ничего этого не хочу!

– Вы человек рассудка, – заключила Амалия. – Только зря трачу с вами время.

– Больше всего меня сейчас интересуют эти бизнесмены из Сиднея...

– Я вам сказала, большинство из них врут. Говорят, что у них совещание в Лос-Анджелесе, а потом всплывают тут, за игровыми столами. А что вы делаете в Австралии?

– У меня там брат живет, я приехал к нему в гости и остался. Но я ощущаю себя гражданином мира. Амалия?

– Да.

– Я восхищен.

– Мной?

– Нет. Определенными признаками, которые доказывают, что нет ничего более изумительного, чем...

Амалия потянулась, чтобы подчеркнуть совершенство линий своего тела.

– Более изумительного, чем что?

– Чем человеческое существо, – сказал Манн, – этот неисчерпаемый источник глупых сюрпризов и жестокостей.

Ее это задело. Настроение испортилось.

– Вам не кажется, что, отказывая мне таким образом, вы можете меня унижить?

– Сожалею, но сейчас я не настроен на секс. Какие вопросы вам задают чаще всего?

– «Почему такая профессия?», «Вы слишком красивы для этого»... На что я отвечаю: «Для кого я слишком красива? Для вас? Тем лучше!» А потом обо мне забывают.

Она знала, что ее серебристая блузка распахнулась уже до второй пуговицы. Она знала, что ее груди прекрасны. Волосы рассыпались по плечам, и от этого она казалась совсем юной. Она выбрала этот наряд опереточной космонавтки потому, что даже перед семьей пуэрториканцев, с которой она справляла Новый год, ей хотелось предстать звездой кино. Этот сияющий костюм был частью ее образа.

Она вытянула левую руку.

– Чем бы вас соблазнить?

– Может, расскажете об этих бизнесменах из дальних стран?

– Они обожают скрываться. Вам не удастся получить их фото на память. Один из них говорил мне, что в Австралии можно сменить фамилию на любую другую. Желающий просто

приходит в мэрию и заявляет, что хочет быть не Смитом, а Брауном. Раз-два – и готово. Его дети уже Брауны. У нас такого нет. Если бы можно было так легко поменять фамилию...

Стоит ей выгнуть спину, и пуговицы начнут расстегиваться дальше. Ей хотелось спровоцировать этого мужчину, которого сплетни о бизнесменах из Сиднея интересуют больше, чем ее тело.

– Может, подойдете поближе? Я вам еще кое-что расскажу. Одного типа я помню очень хорошо, но он наверняка назвался чужим именем. Они все боятся шантажа. У меня с ним были кое-какие проблемы, ну, я имею в виду, в какой позиции...

Манн подошел и сел с краю кровати.

– Я вас слушаю.

– Ага, наконец-то вы проявили интерес, – воскликнула Амалия. – В мужчинах постепенно учишься разбираться. Уверяю вас, что даже по тому, как они раздеваются, можно понять, из какой они среды. Сразу видно, кто образован, а кто боится. Нервно сдергивает галстук? Это он выпрягается из семейного ярма! Снимает рубашку? Бунтарь! Я терпеть не могу тех, кто носит майки...

Она протянула руку к Манну, и ее блузка распахнулась еще немного.

– Хотите потрогать мою грудь? Это же вас ни к чему не обязывает. Пожалуйста, трогайте!

– Зачем вам нужно, чтобы я трогал вашу грудь?

– Это одна из моих эрогенных зон. Может быть, мне так больше захочется с вами разговаривать.

– Разговаривать? – переспросил он.

Амалия интересовала его только в рамках расследования. Помимо двух миллионов долларов, которые Манн мог сэкономить для своей компании, для него особое значение имел случай. В юности случай был его религией. Он боготворил его и был убежден, что даже самый ловкий фокусник, идеальный преступник или гениальный лжец может однажды стать жертвой всемогущего и своенравного случая.

Манн представил себе человека, который в этом городе чувствует себя в полной безопасности вдали от привычного круга и ищет запретных удовольствий. Он надеется, что его забудут, что он не оставит ни единого следа. Прошло пять или шесть лет, и вот он – случай. Этот человек может всплыть в памяти женщины, которую расспрашивает агент, оказавшийся в ее комнате из-за аварийной посадки самолета! Как вам такое?

Амалия рассматривала Манна. Светлоглазый мужчина с правильными чертами лица, казалось, был погружен в свои мысли. Она попыталась скользнуть рукой ему под рубашку, но он не позволил. Она продолжала упорствовать:

– Знаете, редкий мужчина устоял бы в такой ситуации. Первое января 2000 года, в отеле более чем сомнительного свойства, в номере профессионалки, свободной на всю ночь! Вы сидите у нее на кровати и не хотите ее? Да, будет о чем внукам рассказать!

– Амалия, я никогда в жизни не делал того, что мне хочется. Половой акт? Я как игрок. Разум отдельно, ищет необходимые доказательства, чтобы загнать в угол кое-кого...

– Так вы все-таки полицейский? – спросила она, погрустнев.

– Я же вам говорил, что нет. Это расследование должно сохранить деньги моей компании.

– Ясно, – сказала Амалия. – У каждого свои заботы. Один из сиднейских бизнесменов жаловался на проблемы со спиной...

– Со спиной? – переспросил Манн. – А почему?

– Она у него болела. В молодости он попал в аварию, еще во Франции. Он по происхождению француз.

Манн мысленно возликовал.

– Вы помните, как его звали?

– Нет. Я вспомнила о нем, потому что он хвастался, говорил, что его дом, в предместье Сиднея, стоит на мысу, а внизу – залив. Как неприступная крепость...

– Даже имя не помните?

– Нет. Когда я его спросила, он сказал: «Называйте меня Галстуком, Рубашкой, Пиджаком или Ботинком, какая разница! Я всего лишь аксессуар, который скоро исчезнет из вашей жизни». Он был очень чувствителен. Подкатил ко мне в баре, в казино «Miramar». Потом я узнала, что ему больше понравилась блондинка, сидевшая рядом со мной, но я, по его словам, «легче шла на контакт».

– Блондинка?

– Натуральная! Натуральные блондинки обычно из Восточной Европы. Эта уже обещала провести ночь с другим клиентом. Так что сиднеец достался мне.

– Вы были с ним здесь?

– Да.

– А почему не в его отеле?

– Он не хотел, чтобы я знала, где он остановился. И он сказал, что будет не один. Он так шутил, говорил о своем компьютере как о живом человеке. Считал его своим двойником.

Манн впитывал информацию так жадно, что Амалия постаралась вспомнить все, что знала.

– Он даже сказал, что если умрет, то компьютер продолжит его существование. Он был влюблен в него, уверяю вас, это не шутка.

Манн, узнав ценные сведения, ловко направил разговор в нужное русло.

– Он прилетел в Лас-Вегас прямо из Сиднея?

– Через Лос-Анджелес. Небольшой тайный маневр. Все это вранье меня так достало. Как только скоплю приличную сумму, сменю профессию.

– Еще несколько вопросов об этом человеке, и я дам вам пятьсот долларов.

– Пятьсот долларов? Даже не прикоснувшись ко мне?

– Шестьсот, если вы прекратите настаивать на физическом контакте. Амалия, сделайте усилие, и вам выпадет счастливый номер.

Она была озадачена.

– Если я правильно понимаю, вы меня не хотите? Совсем?

– Есть вещи гораздо важнее, чем этот самый акт, – ответил он.

– Если вы мне откажете, у меня упадет самооценка.

– Да нет же, – сказал Манн. – Вы соблазните меня ментально. Скажите, что случилось той ночью?

– Он хотел отыскать блондинку. Я позвонила подружке. У нее мобильный лежал рядом с кроватью.

Третья пуговица отскочила с металлическим звоном.

– Мне в этой кофточке тесно...

– Дальше!

– Нет. Я передумала. Больше ничего не скажу. Оставьте себе ваши деньги.

– Кого вы защищаете?

– Принцип. Если кого-то ищут, его надо прикрыть.

– Почему надо его прикрывать?

– Таковы правила в нашей среде.

– Потому что вы часть этой среды?

– Я следую правилам. Я никогда не сдаю своих клиентов. Мне еще жить не надоело.

Амалия наконец сняла кофточку. Манн возмутился:

– Вы настаиваете!

– Да, – признала Амалия. – До сих пор мне не приходилось получать отказ.

Она расстегнула ремень.

– Только чтобы было легче дышать. Я съела одно мексиканское блюдо: объелась!

Она потянула вниз молнию на брюках.

– Я как реклама джинсов: там всегда показывают ширинку, которую застегивают или расстегивают. А речь идет всего лишь о штанах с уценкой...

Манн нахмурился:

– Вы простудитесь.

– Вполне возможно, – сказала она. – Тут в отелях нет электрического отопления. Большую часть времени это запрещено, опасаются пожаров. Я согреюсь с вашей помощью. Подойдите сюда, только чтобы обнять меня, и я расскажу вам что-то интересное.

Манн снял пиджак и ботинки. Амалия внимательно его разглядывала:

– А вы неплохо сложены. Подойдите, я не кусаюсь.

Она провела рукой по груди Манна, в то время как он рассматривал их отражение в зеркале над ними.

– Мужчина и женщина, которые не прикасаются друг к другу, – это противоестественно, – твердо сказала Амалия. – Когда я сняла этот номер, была уверена, что с другой стороны зеркала кто-то подглядывает. Но нет. Хотя эта мысль меня возбуждала, мне очень хотелось, чтобы с той стороны были люди, изнывающие от желания.

Она взяла руку Манна и положила ее на свою грудь.

– До сих пор ничто не заставило мое тело отозваться. А ведь оно повидало много... Я имею в виду – мужчин...

Манн обхватил ладонями груди Амалии:

– Они прекрасны.

Он сжал губами один сосок, потом другой, и почувствовал, как напрягается ее тело.

– Продолжайте! – попросила Амалия.

– Если вы мне расскажете.

Проворный язык Самуэля сновал от одной груди к другой, вычерчивая маленькие горячие кружочки.

– Подружка, про которую я вам говорила... – выдохнула Амалия.

Манн приподнял голову:

– Блондинка?

– Да... Мы встретились в отеле. Она плохо говорила по-английски. Она жила в Лас-Вегасе нелегально, как и многие другие. Не прошло и десяти минут, как мы оказались в постели втроем.

Язык Манна скользил по матовой коже между ее грудей, которые он продолжал умело ласкать пальцами.

– Из-за своих болей он хотел постоянно лежать на спине, и нам пришлось поделить его тело. А он смотрел, что мы делаем.

Губы Самуэля плавно переместились к шее Амалии.

– Если он все время лежал на спине, вы должны были его хорошо рассмотреть, – настаивал он.

– О да, – ответила она, нетерпеливо постанывая.

Манн отстранился от нее, встал, вытащил из бумажника фотографии Морэ и Фурнье, сел на кровать рядом с Амалией и сказал ей:

– Посмотрите. Тот человек – один из этих двоих?

Она воскликнула:

– Так это все только ради расследования!

– Прикосновение к вам доставило мне несравненное удовольствие.

Эти слова ее смягчили, и она согласилась взглянуть на фотографии.

– Узнать кого-то через столько лет? Вы бредите!

Она с недовольным видом оперлась на локоть.

– Ненавижу копов, даже когда они мне платят.

– Во-первых, я не коп. Во-вторых, бывают симпатичные копы. Ненависть к профессии в целом – это жалкий конформизм. Приглянитесь, может, один из них ваш клиент, лежавший на спине.

– И что? – вскинулась Амалия. – Если я скажу «да», чем это вам поможет?

Она отстранилась от Манна и стала стягивать брюки с бедер, потом ниже. Из-под дешевой ткани показалось стройное тело. Амалия подергала ногами, штаны слетели с нее и приземлились на старенький ковер. Она осталась в одних черных трусиках. Манн был готов сдать. Его мозг работал четко, но тело требовало своего.

– Стойте! – вскрикнула Амалия.

Она чуть отстранилась, взяла с тумбочки несколько презервативов и протянула их Манну:

– Какого цвета?

– Какой вам нравится.

– Наденьте розовый.

Манн натянул презерватив на член, потом прижал Амалию к кровати и плавно вошел в нее.

Ей показалось, что ее пронзили насквозь.

Манн не спешил, двигался мерно, отдаваясь на волю страсти, но не теряя головы.

– Разрешаю вам меня поцеловать, – сказала Амалия.

Манн разрывался между телом, которое требовало продолжения удовольствия, и умом, изнывающим от любопытства.

– Вы уверены, что ни одно из этих лиц вам не знакомо?

– Сейчас не тот момент!

– Тот! – сказал Манн.

– Тогда продолжайте. Если вы остановитесь, я не отвечу больше ни на один вопрос.

– Какая из двух фотографий? – повторил Самуэль.

– Я же так кончу, – сказала она. – Этого не планировалось.

Задыхаясь, она замолчала, он тоже. Они встретились взглядами. Наверху, в зеркале, она увидела отражение их тел. Мужское было слегка вытянуто.

– Сиднейское солнце, – сказала она. – Он говорил про сиднейское солнце.

Несмотря на признаки приближающегося пика наслаждения, Манн остановился.

– О нет! – взмолилась она.

– Что за солнце?

– Которое над Большим Барьерным рифом. Он хотел отвезти эту девушку туда. Обещал ей путешествие по Австралии, с туристической визой прилететь в Дарвин, пересечь всю страну по диагонали до Сиднея, а потом по другой стороне добраться до места, где когда-то высадился капитан Кук. Этот человек все говорил про прекрасный вид, который хотел ей там показать.

– Зачем отсюда увозить девушку туда?

– Австралия далеко. Попробуй найди там чей-то след! В любом случае, из баров Лас-Вегаса блондинка исчезла.

Потом их тела слились воедино, как расплавленный металл.

Теперь они лежали бок о бок, пытаясь восстановить дыхание. Самуэль опять принялся за свое:

– Что за отель?

– «Sulphur».

– Может, заскочим туда?

Амалия поежилась:

– По такому холоду? Что вы хотите там выяснить?

– Я хочу найти эту блондинку.

– С того вечера никто ее больше не видел. Вы жалеете о том, что сделали? – спросила она.

– Нет, но я изменил своим принципам. Любопытный эффект...

За окном снег уже прекратился. Оттуда доносились хлопки салютов. Со всех сторон в небе над Лас-Вегасом расцветали, сливались синие, красные, зеленые, фиолетовые всполохи. Амалия встала с кровати и заметила несколько столларовых купюр, которые Манн оставил на одеяле. Она их пересчитала, отложила четыре, а две протянула ему:

– Это вам, за удовольствие.

– Как? – Он уже оделся. – О чем вы говорите?

– Я не беру денег, когда получаю удовольствие. А вам я скажу даже: огромное удовольствие.

Она отправилась в ванную. Манн услышал шум воды. На обратном пути она открыла шкаф и надела трусики типа «хлопок 100 %, сделано в Индии», свитер крупной вязки, джинсы, толстые носки и ботинки.

– Ну вот, – сказала она. – Теперь мне не так холодно. Сделать вам кофе?

Манн согласился:

– Спасибо.

Она принялась размышлять вслух:

– Бар... может, я там найду девушку, которая знает, куда делась та? Она тоже блондинка.

Тот тип и к ней подкатывал, но она американка и не повелась на его уловки.

– Спасибо за помощь. Вы заслуживаете лучшего, чем ваша нынешняя профессия, – сказал ей Манн.

– Лучшего? По сравнению с чем? Вы ни судья, ни священник, так что оставьте ваше мнение при себе!

– Вы правы, – признал Самуэль.

– Вы самонадеянны, – добавила Амалия. – Но это не совсем ваша вина... Если вы так хотите, можем заскочить в «*Sulphur*».

Она подала ему кофе:

– Сахар или заменитель?

– Сахар, – сказал Самуэль. – Хотелось бы знать, поддерживал ли кто-нибудь контакт с этой девушкой после ее предполагаемого отъезда.

– Не знаю... Тот тип, видимо, забрал ее с собой в Австралию.

– Она хотела так круто изменить свою жизнь?

– Она представляла себе...

– Что?

– Приятное существование. Подружка из «*Sulphur*» мне сказала, что получила открытку, в которой было всего несколько слов: «Все хорошо. Здесь потрясающе».

– А откуда она отправлена?

– Понятия не имею.

Он настаивал:

– Может быть, все-таки вспомните...

– Вместо «*Sulphur*» можно поехать к подружке. У нее могла остаться открытка. Я знаю номер ее телефона. Ее зовут Бетти Мак... что-то там, не важно! Хотите, я ей позвоню?

– Еще как!

Надо было заказывать соединение через рецепшн.

– А прямой линии нет?

– Я два раза не оплатила счет. С тех пор мои звонки контролируют.

Через несколько минут телефон задребезжал. Амалия сняла трубку:

– Алло, алло...

– Это Амалия.

– Ты знаешь, который час? – воскликнула женщина на другом конце провода. – Чего ты хочешь?

– Для начала поздравить тебя с Новым годом.

– И для этого ты меня разбудила!

– Нет. Кое-кто рядом со мной интересуется девушкой из «*Sulphur*», той, которая замутила с австралийцем... Не клади трубку!

Манн услышал, как собеседница Амалии жалуется ей:

– Я легла спать в три часа!

– Тебе заплатят за информацию. Ты мне говорила, что получила открытку оттуда.

Манн вытащил из кармана пятьдесят долларов и пошуршал ими.

– У меня есть для тебя пятьдесят зеленых. За кое-какие сведения.

Манн показал еще одну купюру. Амалия добавила:

– И еще пятьдесят, если найдешь открытку.

– Что за сведения?

– Помнишь девушку с большими зелеными глазами? Такими, широко расставленными? Понимаешь, куда я клоню? Она когда-то отправила тебе открытку с видом Австралии, и с обратной стороны было нацарапано несколько слов.

Самуэль услышал ответ:

– Нет, это нормально? Разбудила меня под утро, первого января 2000 года – и все из-за какой-то открытки!

– Да, но зато получишь сто долларов. Ты ее выкинула?

– Не знаю. У меня есть большая коробка, где я храню всякое такое.

– Если ты можешь найти эту открытку, мой клиент хотел бы с тобой поговорить.

– А если у меня ее уже нет, получается, ты меня разбудила просто так?

– Нет. Будет утешительный приз. Мы сейчас возьмем такси и приедем.

– Мне надо поискать коробку. А я понятия не имею, где она. Мама приезжала, навела порядок слегка.

– Мама?

– Она приезжает время от времени, чтобы прибрать мой бардак. Не клади трубку.

Амалия скорчила рожу, на что Манн знаком ответил, что готов подождать. Через несколько минут на том конце провода снова раздался голос:

– Коробка в шкафу, на антресолях. Приезжайте, залезете на стремянку и достанете ее. Но найдете вы открытку или нет, мне нужны деньги.

– Сто долларов за визит. И еще сто, если мы ее найдем.

– По рукам, – сказала девушка. – Помнишь адрес?

– Напомни... так, а код?.. Спасибо.

Амалия положила трубку.

– Как подумаю, во что я ввязываюсь из-за вашей болтовни! Но вы так любезно просите и платите наличкой. Так что все путем.

Она налила ему еще чашку кофе, и, согрившись, они спустились в холл. Дневной портье еще не пришел. Руис, прибиравшийся у себя, вызвал им такси. Еще не рассвело, и мрачное утро портило всем настроение. Они вышли; горизонт уже начал слегка проясняться, но неоновые огни еще горели. Когда открывались двери казино, до них иногда долетал шум игровых автоматов.

– Они работают постоянно, – заметила Амалия.

Дрожа, она три раза обмотала шею толстым бордовым шарфом и застегнула кофточку на все пуговицы.

– Новый век... – сказал Манн. – Все всё знают. Ошибаются только синоптики. И Бог...

– То, что вы говорите, слишком сложно для меня, – вздохнула Амалия. – Девушкам вроде нас, которые вертятся в барах при казино, запрещено играть, но иногда мы видим, как кто-то проигрывает все до последней рубашки.

Если вы расскажете, что мне не придется больше обслуживать клиентов, будет когда-нибудь своя парфюмерная лавка и свой мужчина, просто для удовольствия, мне это будет интересней, чем ваши истории про новый век.

– Ваша судьба зависит от вас.

– Вы думаете, что это так просто?

– Разумеется, нет. Но я мог бы повысить ваши ставки. Вы хотите остаться в Лас-Вегасе?

– Конечно. Здесь всегда найдется работа, горизонтальная или вертикальная. Этот город кажется безумным, но не для тех, кто хочет потрудиться.

Дрожа от холода, они стояли у входа в отель, на тротуаре, усыпанном засаленными бумажками и пивными банками. Из казино, споткнувшись, вывалился человек, его как будто вытолкнула наружу вращающаяся дверь. Он сделал несколько шагов, потом сел, прислонившись спиной к стене старого отеля. Вид у него был болезненный. Самуэль хотел подойти к нему, но Амалия стала его отговаривать:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.